

ЛИНА НЕГОДА

секреты Управления
ПО-РУССКИ

Лина Негода

Секреты управления по-русски

«Издательские решения»

Негода Л.

Секреты управления по-русски / Л. Негода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500962-3

Говорила тётя Клава сыну:— Валера, сторонись плохих компаний. Там и зп маленькая, и начальник — дебил. Но Валера маме не поверил. В России бед всего две, но зато какие! И если с дорогами всё понятно: их отродясь не было и никогда не будет, то с дураками всё обстоятельней. Они на каждом шагу, особенно на работе. Судите сами: один приходит устраиваться, другой его принимает. Ахтунг! Если среди персонажей вы случайно узнали себя, не переживайте — таких, как вы, в России очень много.

ISBN 978-5-00-500962-3

© Негода Л.
© Издательские решения

Содержание

Последняя гастроль	7
Рецепт любовного зелья	11
Впечатления	15
Когнитивный диссонанс	20
(пародия на пьесу в тринадцати действиях)	21
Силуэт первый	22
Силуэт второй	23
Саша по прозвищу «Мясник»	24
Силуэт третий	25
Силуэт четвёртый	26
Валера-Тихушник или просто Валера	27
Силуэт пятый	28
Силуэт шестой	29
Чёрная вдова (она же главбух)	30
Финт первый	31
Финт второй	32
Настоял...	33
Финт третий	34
Финт четвёртый	35
Первый блинец завсегда в глотке застрянет	36
Финт пятый	37
Финт шестой (внеплановый)	38
БМ головного мозКа	39
Затяжной седьмой финт	40
Мы пойдём другим путём	41
Финт восьмой	42
Финт девятый	43
Финт десятый	44
Финт одиннадцатый (самый лаконичный)	45
И жили они счастливо, правда, недолго...	46
Финт двенадцатый	47
Тебе, прогресс, поём мы песТню	48
Тягун первый и последний	49
он же Финт тринадцатый (печальный)	50
Пояснения к «пьесе»	50
Муж Ирины Алексеевны, или роман, который не сложился	51
Лояльность	57
Одиннадцатая заповедь	63
Вы никогда не пожалеете	71
«Слив» Оксаны Т.	76
Понедельник (5 июля, около 8 утра)	77
Понедельник (5 июля, 10—15)	78
Понедельник (5 июля, мой законный обед)	79
Вторник, 6 июля (20—20)	80
Среда, 7 июля (первый час ночи)	82
Четверг, 8 июля (десять вечера)	83

Пятница, 9 июля (обед)	85
Пятница, 9 июля (десять часов вечера)	86
Понедельник, 12 июля (12 часов ночи)	87
Вторник, 13 июля (третий час ночи)	88
Среда, 14 июля (двенадцать ночи)	89
Четверг, 15 июля (девять вечера)	90
Пятница, 16 июля (обед)	91
Пятница, 16 июля (десять вечера)	92
Понедельник, 19 июля (20—00)	93
Вторник, 20 июля (мой законный обед)	94
Вторник, 20 июля (23 часа)	95
Четверг, 21 июля (пять утра)	96
Четверг, 21 июля (22—10)	97
Пятница, 22 июля (обед)	99
За три месяца до описываемых событий	100
За месяц до описываемых событий	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Секреты управления по-русски

Лиана Негода

Дизайнер обложки Алиса Бабковская

Корректор Ольга Кожуркина

© Лиана Негода, 2019

© Алиса Бабковская, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0962-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последняя гастроль

Антон Николаевич Панин опять взялся за старое – за кобелиное. Всю свою сознательную жизнь, даже после того как тридцать лет назад на безымянный палец его правой руки было надето обручальное кольцо, он ходил «налево», да что там ходил – бегал. Во всей этой ретивой беготне был один – единственный перерыв, длившийся добрых два года, произошедший по воле злого рока и связанный с ухудшившимся здоровьем нашего героя. Тогда прихватило его не на шутку.

В пятницу утром на селекторе директор по продажам Игорь Семенович Рубель устроил Панину настоящую выволочку за проваленный план продаж. Магазин, который Антон Николаевич возглавлял, вот уже который месяц подряд болтался в числе отстающих. Как Панин ни бился, как ни старался, достичь поставленных финансовых результатов не удавалось. В ту злополучную пятницу Антона, словно поганого кота, целый час принародно возили мордой об стол, потом морально выпороли, просклоняв на все ряды. Он, подобно герою-революционеру, стойко сносил все нападки, все упреки и все обвинения, а придя вечером домой, слег.

Ночь субботы была до невозможности беспокойной. Сначала было душно и катастрофически не хватало воздуха, словно в городе исчез кислород, потом, ближе к трем ночи, вроде бы наступила вожденная прохлада и дышать стало чуть легче, но появились покалывания под левой лопаткой. Панин долго не мог уснуть, вставал, ходил из угла в угол, выходил на балкон, принимал холодный душ, пил на кухне успокоительный чай, но ничего не помогало. Только к пяти утра его сморил тяжелый сон, который перенес вконец измученного мужчину на позорный селектор, проходивший на сей раз на широкой базарной площади, усеянной народом. Посредине площади на стуле стоял Игорь Семенович Рубель и держал в руках косу, металлическое жало которой поблескивало на ярком солнце. Спустя мгновение чей-то противный скрипучий голос оповестил, что сейчас всем, кто не выполнил план продаж, будет отсечена голова.

«Бежать! Бежать! Бежать во что бы то ни стало! – застучало в висках Антона». Коса, которая только что была зажата в руках Рубеля, вдруг сама собой взвилась в воздух и медленно начала приближаться к шее Панина, словно бы примеряясь, куда лучше нанести смертоносный удар, а потом вдруг резко отдалилась и в ту же секунду вновь пошла на неумолимое сближение. От неимоверного ужаса Антон Николаевич вскрикнул и проснулся. Он был весь мокрый, словно мышь.

К восьми утра Панину стало так плохо, что он попросил жену вызвать скорую помощь. Приехавшая бригада тут же, без долгих вступлений, констатировала подозрение на инфаркт и умчала больного с собой. Далее была больничная палата, ЭКГ, капельницы, ЭКГ, таблетки, и вновь ЭКГ, седой старичок-доктор в очках с аккуратной профессорской бородкой, похожий на Айболита из старой книги Чуковского, который совершенно по-дружески сказал: «Э-э-э, батенька, да вам нужно менять работу, иначе батарейка не выдержит, сядет. Стрессы – это бич нашего времени, посему соблаговолите пожалеть себя и найти что-то поспокойней. Да, и ещё, поберегите себя по мужской линии. Поменьше всяких там амуров-гормонов, если жить ещё хотите, потому как это тоже стресс, хоть и со знаком плюс».

А жить Антону Николаевичу хотелось как никогда. До сей поры он и не предполагал, что жизнь в пятьдесят три только начинается, что впереди столько всего прекрасного, сколько интересного, красивого и вкусного, что отказываться от жизни прямо сейчас – настоящее кощунство и преступление.

Выйдя из больницы, Панин, первым делом уволился из компании, в которой так долго претерпевал унижения. Далее последовал реабилитационный период, длившийся почти год. Сначала Антон уехал в санаторий, а затем, предварительно посоветовавшись с Айболитом,

к родной сестре в Ялту, которая вот уж несколько лет как овдовела и была несказанно рада дорогому гостю.

Всё это время мужчина чётко следовал наставлениям, полученным в больничной палате: «поменьше всяких там амуров-гормонов», как бы тяжело это не было. А было несказанно тяжело и мучительно больно! Сколько прекрасных одиноких особ прохаживалось по черноморской набережной, сколько из них недвусмысленно давали понять нашему герою, что готовы не просто познакомиться, но и познакомиться «с продолжением». Но стойкий Антон Николаевич на протяжении всего ялтинского периода никого к себе близко не подпускал, точнее не подпускал к своему всё ещё могущему и прекрасному телу.

После возвращения в родные пенаты Панин возглавил один из офисов продаж страховой компании, рассудив: «Работать где-то всё равно нужно, так почему бы и не в страховой». Но уже через год, почувствовав себя совершенно здоровым, Антону стало невыносимо скучно и его вновь потянуло в розничную торговлю. Не прошло и полутора месяцев, как наш герой был представлен коллективу продуктового супермаркета как новый директор магазина. За долгих два года Панин до того соскучился по продажам, по магазинной суете, по толкающимся покупателям в торговом зале, что первое время день и ночь пропадал в магазине, вникая во всё на свете. Примерно через месячишко сотрудники магазина начали подмечать, что больше всего их директора интересует работа кассовой зоны. Антон Николаевич то и дело ошивался возле кассы номер пять, за которой искусно колдовала светловолосая Жанна, прозванная в магазине с чьей-то легкой руки «белокурой Жази».

Жази совсем недавно исполнилось тридцать лет. Она была замужем за бывшим офицером ВДВ, плотно «сидевшем» на стакане, и воспитывала сына. Повышенное внимание директора магазина поначалу женщину раздражало, она ни в коей мере не стремилась к частому общению с руководством. Но, спустя совсем немного времени, Антон Николаевич заставил Жанну посмотреть на него под совершенно иным углом. Оно и понятно: безработный неудачник-муж, вечно пьяный и агрессивный, и щедрый, всегда улыбающийся, со вкусом одетый и приятно пахнувший Антон, проявляющий всевозможные знаки внимания, контрастировали, словно лето и зима.

Панин сам не отдавал себе отчёта, для чего ему этот так некстати у всех на глазах разгоравшийся служебный роман. То ли Жанна была настолько прекрасна и маняща, и он в неё действительно влюбился, то ли ему просто не хотелось мириться с неизбежно подкрадывающейся старостью, пристально смотрящей ему в глаза.

Совсем недавно Антон стал дедушкой. В день рождения своего первого внука наш герой, сидя за праздничным столом, так всем и заявил: «Никакой я не дедушка! Я муж бабушки! Попрошу об этом не забывать!»! Появление на свет внука-первенца заставило Антона Николаевича не столько обрадоваться, сколько задуматься о бренности бытия. Стареть не хотелось ни при каких обстоятельствах. Безумно хотелось быть вечно молодым и вечно любимым женщинами. А тут ещё белокурая пышногрудая Жази с шикарными крутыми бедрами, постоянно мельтешившая перед глазами. Вот душа и не вынесла.

Отношения развивались бурно, и как влюбленные не старались их скрыть, да только кота в мешке утаить не смогли. Персонал магазина, сидя вечерами в раздевалке, с удовольствием мусолил новые пикантные подробности служебного романа. Антон Николаевич был на седьмом небе от счастья и ничего странного вокруг себя не замечал. Ему было хорошо, легко и радостно.

Но человек так устроен: когда ему хорошо, этого обычно бывает мало и хочется, чтобы стало ещё лучше. Вот и Панину захотелось чего-нибудь эдакого, чего-нибудь из ряда вон, чего –нибудь такого, отчего бы душа его зазвенела, заплясала и запела, стремясь вырваться от безмерного счастья на свободу. Долго размышлять над вопросом, что же именно это может быть,

не пришлось. Решение родилось само собой и было простым и не очень дорогим: двухнедельное романтическое путешествие на двоих в русскую Венецию – Питер.

Влюбленная парочка вещи собирала недолго и, обеспечив себе железное алиби, на крылатом «Боинге» улетела в северную столицу. Жанна сказала мужу, что её отправляют в Питер в командировку, а Антон Николаевич одним выстрелом решил пристрелить сразу двух зайцев: и отдохнуть, не уходя в отпуск, и деньги на работе получить, управляя магазином дистанционно. Он строго-настрого наказал своему заму, чтобы тот, когда в магазин будет звонить собственник, говорил бы ему, что директор сейчас находится в торговом зале или отъехал по делам в администрацию, а сам бы тут же перезванивал Антону на сотовый и предупреждал его о только что состоявшемся звонке «сверху». Панин, соответственно, исходя из той «утки», что была запущена собственнику, должен был через десять минут (или через час) самостоятельно перезванивать босу и как ни в чем не бывало выяснять цель звонка. Домочадцам наш изобретатель сказал, что его отправили в Питер на обучение.

Всего несколько часов – и счастливая парочка, крепко обнявшись, уже бродила по Дворцовой набережной. Неспешно они шли в сторону Летнего сада, наслаждаясь чудными видами.

«О, как прекрасен град Петра! О, как я счастлив! – хотелось стихами кричать Антону, вмиг сбросившему с плеч лет тридцать. – О, как красивы реки и каналы! О, как величественен и как суров их сдерживающий гранит».

Жази, отродясь не покидавшая пределов областного городка, в котором она прожила три десятка лет, была буквально ошеломлена. Ещё никогда в жизни она не видела такого огромного количества людей, разных цветов кожи, говоривших на непонятных языках и выглядевших как-то странно. Ни разу за свои тридцать она не летала на самолете, не жила в гостинице, не ездила на метро, не слышала, как стреляет пушка, не видела, как разводят мосты, не бывала ни в одном дворце или даже музее – за исключением их, краеведческого – не плавала на кораблике по реке и не целовалась в белую ночь, привстав на цыпочки, стоя на мостике. Женщина смотрела на окружавшее её чудо широко раскрытыми влажными глазами, пытаясь впитать в себя как можно больше нечаянной радости, одурманившей её шальную душу. Каждую секунду она не переставала удивляться тому, что если бы не Антон, если бы не её любимый Антоша, то она бы, наверняка, так и умерла, находясь в полной уверенности, что её родной городок – это и есть весь мир, это и есть вся Вселенная. Но теперь-то Жанна знала наверняка, что мир прекрасен, разнообразен и велик. Знала, благодаря своему любимому! Незабываемые, чудесные, романтические, умопомрачительные питерские две недели, наполненные массой впечатлений и любви, нежности и ласки, пронеслись, словно падающая августовская звезда, лишь на мгновение мелькнув на тёмном небосводе жизни.

Никаких дурных предчувствий у возвращавшихся на грешную землю не было. А зря. Собственник компании, звонивший в течение нескольких дней по различным вопросам в магазин и ни разу не заставший директора на стационарном телефоне, был крайне удивлён. Данное обстоятельство его настолько беспокоило, что он решил подстраховаться и дал службе безопасности команду: «Фас»!

Дотошные безопасники вмиг установили причину столь странного поведения Антона Николаевича. Более того, они не только нашли причину, но и решили сделать влюбленным неожиданный «приятный» сюрприз – встретить их в аэропорту.

Как только вещи из багажа были получены, отдохнувшая и счастливая парочка, совсем позабыв о возвращении в родные пенаты, не спеша, в обнимку, направилась к выходу из аэровокзала. Именно в этот момент к их милой компании и присовокупились безопасники, сделав это весьма странным способом: четверо мужчин подошли сзади, двое из которых, положив руки на плечи Антону Николаевичу, отвели его на минутку в сторону, а затем вывели на улицу и, посадив в красную машину, увезли в неизвестном направлении. Та же участь ожидала рас-

терявшуюся Жази, с той лишь разницей, что её увезли на машине синего цвета. Со стороны происходившее действо напоминало поимку иностранных шпионов.

Как и чем именно безопасники «пытали» директора магазина в кабинете собственника, никому было неизвестно, но ведом был итог, носивший ультимативный характер. Панину предлагалось, кроме всевозможных санкций и прочих финансовых лишений, которые он должен был понести в обязательном порядке, определиться, кто же из них двоих – он или Жанна – останется работать в магазине дальше, а кто будет уволен.

Собственник бизнеса собственнически придумал данную экзекуцию и, вручив Антону Николаевичу в руки «косу», с нетерпением стал ожидать его решения. Чья же голова полетит с плеч долой: героя-любownika или распутной любовницы? По условиям «игры» на раздумья отводилось ровно двадцать четыре часа. Но Панину не понадобилось так много времени на принятие единственно возможного и самого верного решения.

«Конечно, должна уйти Жанна, – мгновенно рассудил мужчина. – Это будет правильным выходом из сложившейся ситуации. Что сравнивать директора магазина и какого-то кассира? Ведь у этих двух фигур разные весовые категории. Да и потом: то ли дело найти новую работу Жанне, то ли мне, без пяти минут пенсионеру, есть же разница, в самом-то деле»!

Приняв и тут же озвучив своё решение собственнику, Антон Николаевич в ту же минуту вышел вон из кабинета. Медленно спускаясь вниз по лестнице, он вдруг ощутил себя старым изможденным котом, лишь по счастливой случайности выжившим после стычки с молодым и более сильным соперником. «Ну что я против него? – как мог, успокаивал себя наш страдалец. – Кто он, и кто я»?! Еле переставляя ноги, Панин дошёл до автобусной остановки. Дышать было нечем. Под левую лопатку вернулись покалывания, усиливающиеся и учащающиеся с каждым шагом. В голове появился звон. Во рту пересохло, а на лбу выступили крупные капли холодного липкого пота. Стремясь во что бы то ни стало устоять на ногах, Антон Николаевич подошел к столбу и крепко его обнял.

«Ну вот, так, кажется лучше, – подумал мужчина. – От жары, наверное.. Сейчас всё пройдет. Столбик-то какой холодный и приятный. Сейчас, сейчас...». Вдруг голова стала настолько тяжелой, что перевесила тело, а «холодный и приятный» столбик предательски начал уходить куда-то вправо, потянув за собой и Антона.

– Что, пьянь, и столб уже не держит? – раздалось вдруг откуда-то сверху.

– Да вы что, женщина, не видите, человеку плохо! Нужно скорую вызвать, – ответил другой голос.

Последнее, что слышал Панин, прежде чем потерять сознание, был звук приближающейся сирены.

«Айболит», – подумал он и тут же отключился.

Рецепт любовного зелья

Нынче, открыв любое руководство по магии, можно найти тысячу и один рецепт того, как привлечь внимание противоположного пола. Чего тут только нет, начиная от банальных заговоров и присушек, подытоженных магическими словами: «Ключ. Замок. Язык», и заканчивая приготовлением всевозможных экзотических зелий, в состав коих иногда даже входит помёт летучих мышей, сухой экстракт кончиков ушей анаконды, настойка из чешуек хвоста дракона и, конечно же, могильная земля, зачерпнутая при полной Луне. Но вот о том, как, например, взять и вызвать истинную любовь начальника, да ещё и собственного с тобою – то бишь бабьего полу – ни в одном источнике не говорится. А жаль! Ой, как жаль! Но я постараюсь восполнить данное упущение и рассказать вам о весьма и весьма действенном способе, который, сама того не ведая, изобрела одна моя знакомая.

Так уж вышло, что Таню Миляеву на работе ценили и уважали все, кроме Ольги Борисовны Гебры, руководителя юридического отдела. Впрочем, дело было не в Татьяне как в такой, а в том, что не родила ещё Мать Сыра Земля такого человека, к которому бы Гебра относилась нормально, не говоря уж – хорошо. Она сорокапятилетняя вечноорущая дама олицетворяла собой перекатывающийся с боку на бок деструктив. Поверьте, не будет преувеличением, если я скажу, что её колкости мог бы позавидовать сам *Diadema setosum* (морской ёж, с самыми длинными иглами), едкости – серная кислота, а взрывоопасности – октаген. Чёрные раскосые глаза Ольги Борисовны, увенчанные такими же чёрными с изгибом бровями, напоминавшими стрелы Перуна, обладали поистине магическим свойством – могли ввести в состояние ступора кого угодно. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что скверный характер толстухи с лихвой компенсировался профессионализмом с большой буквы. Любое дело, к которому прикасалась пухлая рука Гебры, было обречено на успех.

Как известно, тендерная деятельность в любой компании тесно связана с деятельностью юридического отдела. Нравилось это Миляевой или нет, только выбора не оставалось: ей, как начальнику тендерного отдела, приходилось общаться с Ольгой Борисовной ровно в тех объёмах и с той частотой, которую требовал бизнес. Предварительно повизуализировав – в надежде, что это поможет – Татьяна переступала порог кабинета госпожи Гебры.

За долгих три года не было ни единого случая, чтобы «конструктивный диалог» двух руководителей прошёл без сучка и задоринки. Если документы были собраны в полном объеме, то – не вовремя, если вовремя, то на пятой странице четвёртого абзаца не хватало кавычек во втором слове, когда же случалось, что кавычки находились на своём законном месте, значит что-то было не так с запятой со страницы пятьдесят восьмой. Так и жили... спали врозь, а дети были...

Таня как могла старалась Ольге Борисовне угодить. Нет, она никогда с ней не заигрывала, скорее, пыталась перевести диалог в конструктивное русло, предлагая на любую проблему или ошибку смотреть не столько с точки зрения проблематики, сколько с точки зрения поиска хорошего решения. Однако Гебра, прекрасно понимая, что подобру-поздорову энергии ей давать не желают, всегда находила повод привстать «на брови».

– Это что? Что, я вас спрашиваю? Вы начальник тендерного отдела или чего? Ну, смотрите же, как вас там... Мария...? Э... Татьяна! Вот, – тыкая пальцем в документы, приказывала она Миляевой, – ваши дуручки опять неверно посчитали цену! Почему я всё время должна её пересчитывать? Почему я должна её перепроверять? И за вами, кстати, тоже! Вы им напоминали, что в заявке на участие в тендере нужно указывать и сумму НДС?

– Опять последовательность предоставления документов нарушили? Да? Сколько ещё раз нужно повторять, что сроки – это наше всё?! Не успел – заявку отклонили! Вечно с описью документов что-то неладно! А вы, Миляева...

– Нет, ну вы что, тупые там все что ли? Тупые, как американцы в монологах Задорнова? Опись идёт первым, слышите, первым листом! Неужели всё ещё есть такие дуры, которые её в конце прикладывают?!

– До каких пор мне повторять, что технические характеристики товара должны быть максимально конкретизированы?! Головой вас что ли об стену бить? Бить, я спрашиваю? Может быть, тогда запомните уже?! Недостаточная конкретизация ведёт к отклонению заявок. Вы, Миляева, все заявки проверяете? Или так, выборочно?

– Одного согласия на выполнение работ недостаточно! Материалы все указаны? Все? Я к вам, Миляева, обращаюсь! А показатели? А марки? Если что-то не указано, то идите и подотритесь этим согласием! Идите-идите, я вам говорю!

Конечно же, всё было указано: и цена контракта, и НДС. Опись тоже присутствовала, причём первым листом, да и сроки предоставления были соблюдены. С техническими характеристиками тоже всё было отлично, как и с проверкой документов. Более того: марки, показатели и прочая лабуда также были документально зафиксированы. За три-то года Миляева изучила тендерную деятельность, как отсюда до Луны, а потом вокруг всех звёзд и обратно. Знала любой подводный камешек и любую пылинку. Но Ольге Борисовне, несмотря на блестяще выполненные документы, всё равно очень хотелось хлебнуть свеженькой пенной юшки, вот она и куражилась.

Тот день – день рождения Миляевой – ничем от иных дней по сути не отличался, разве что суеты было на порядок больше обычного. Татьяна ещё до начала работы успела купить всё необходимое к праздничному столу, ведь по стародавней традиции все именинники, включая генерального, выражаясь простецким языком – проставлялись.

Ближе к пяти часам вечера начались первые приготовления. Обе миляевские подчинённые со скоростью звука мыли, резали, шинковали, раскладывали и разливали всё то, что было закуплено их начальницей. А закуплено, скажу я вам, было немало: и алкоголь на любой вкус, и традиционные салаты, и мясо с рыбой, и зелень, и первые фрукты – яблоки, напоминавшие по вкусу зелёную траву, клубника, черешня и даже деревянные персики, кои прекрасно бы подошли для игры в гольф. Впрочем, в «деревянности» последних Танькиной вины не было. За окном только-только разгорался новосибирский июль. Тем, кто живёт в Сибири, не нужно объяснять коллизию, остальным же скажу: в это время года, как, впрочем, и в любое иное, рассчитывать на ароматный и спелый урожай не приходится, ибо он попросту не доехал бы в целости и сохранности, будь как следует созревшим. Фрукты без вкуса и запаха, нашматованные ещё зелёными, круглый год едут и летят в сибирские города.

По воле злого рока именинница толком не смогла принять участия ни в подготовке стола к приёму гостей, ни в первой части Марлезонского балета, той самой, где звучат хвалебные речи и пожелания всяческих благ, какие только имеются на белом свете.

Примчавшись из магазина на работу, наша героиня тут же занялась подготовкой документации к электронным торгам, свалившимся на неё словно снег на голову. Не хватало части документов, а имевшиеся документы требовали массы корректировок, вследствие этого Таня словно подмазанная скипидаром добрых полдня, начиная с после обеда, носилась по пыльному душному городу.

Явившись к праздничному столу в восьмом часу вечера в состоянии полнейшей закошмаренности (пришлось долго проторчать в пробке), Миляева оказалась, что называется, на пике торжества, посвященного её скромной персоне. Гости, принявшие на грудь изрядное количество спиртного, развлекались на полную катушку: базар-вокзал в цвете, звуке и запахе! Кто-то курил, сидя за столом, бычкую остаток сигареты прямо в тарелку. Кто-то, в хлам разругавшись с собеседником, плевал спьяну себе же на ботинки. Некоторые выясняли отношения. Не то, чтобы как в классике жанра: «Ты меня уважаешь?», а так, по мелочи: «А ты помнишь, как

ты... а я тогда...». Некоторые так и вовсе обещали горы своротить, правда, завтра, но никак не сегодня!

В общем и целом день рожденья задался. Пока ждали именинницу, трижды сбегали до ближайшего угла за магарычом. Понятное дело: чего ж сидеть на сухую, когда купленное давно закончилось?! Чего время просто так терять, если его можно провести с пользой и с чувством?! И вот когда наконец Татьяна вернулась в офис, никто из гостей её попросту не заметил.

– Давай уже хватит, а!? Жрёшь её еду, пьёшь что она купила и такое говоришь... Короче, давай, харэ уже!

– Ой, ой! Жрёшь-пьёшь! Ржу.. ой, жру и пью... И пить буду! Налей мне ещё, – потребовала Люся, начальник отдела кадров, обращаясь к Анне (миляевской подчинённой). – Давай, наливай говорю!

– Нету больше! – спрятав остатки роскоши, заартачилась было Аня, но потом передумала, – ладно, на вот, это последняя. Хватит с тебя, и так уже на ногах не стоишь!

– Сто-ю! Чё она тут купила? Рыбу? Она давно завалялась! Ой, за-во-ня-ла-сь, – осушив чарку, поспешила исправиться Люся. – Помидоры эти? Танька, она... жмотина! Но таким всегда везёт! Ни кожи, ни рожи! И фантазии тоже у неё нету! Одеваться даже не умеет! Вечно вырядится как бабка рязанская! А всегда при мужиках! И что они в ней находят?!

– Ай, Люся, чё с тобой говорить? Ты пьяная, как питерская прачка! Завтра всё равно ничего не вспомнишь... Ты Таньке нашей завидуешь! И все это знают!

– Я??? Ей??? Этой??? Да... Да, она... выхухоль! Сууу-чкааа она настоящая!

Самое время сказать, что кроме Ольги Борисовны Гебры сидела в Танькином заду ещё одна болшенная заноза – Люся, – начальник отдела кадров и бывшая лучшая подруга. А «бывшей» Людмила стала оттого, что пару годков тому назад отбила у Миляевой жениха, с которым уже и день свадьбы был назначен. Отбить-то она отбила, но потом, хорошенько разглядев, какой она «билетик» вытянула, поспешила его вернуть. Как говорится: «Неее, нам такое не трёба, нате вам ваше взад»! Однако жениха назад не приняли. Из-за этого Миляева для Люси стала «ненавистной выхухолью» дважды. Правда, вражда эта никогда не носила открытого противостояния, скорее она походила на тлеющий костёр. Но кто сказал, что «худой мир» – это таки хорошо? Кто сказал, что он лучше войны? Не верьте! Нипочём не верьте и вообще плюньте лжецу в его бесстыжие глаза! Тлеющий костерок – это самая опасная вещичка, хуже его мало что придумать можно. Чуть только дунул нужный ветерок, как всё и запылало...

– Тише! Тише, дура!!! Миляева пришла! – неожиданно заметив Татьяну, сидящую через три человека от неё, сквозь зубы процедила Аня. – Закрой свой поганный рот, пока беды не вышло!

– Пришла? Миляева? Где? Где она пришла? Покажи!

– Справа от меня сидит, да куда ты смотришь?! Да тише ты! Дура!

– А... Миляева! Именинница наша! Ну я её сейчас это... поздравлю!

Люся хотела было встать, но до боли простое движение с первого раза почему-то не вышло. Впрочем, со второго раза тоже. Но она не собиралась сдаваться!

– Хммм.... Пришла? Ну, тогда вот тебе! Подарок! Лично от меня! – прошипела Люся, откусывая и выплёвывая жопку огурца себе на ладонь.

Плотоядно глядя на Татьяну, она что есть мочи кинула «снаряд» в сторону бывшей подруги. Типа, знай наших! Жопка, пролетев совсем немного, приземлилась в чью-то пустую рюмку, не достигнув желанной цели. Потерпев фиаско, Люся решила повторить попытку, ведь у огурца оставалась ещё одна жопка, однако ей тоже не было суждено попасть в цель.

– Аня, успокой, пожалуйста, это животное, – спокойно попросила Татьяна, – иначе я сейчас сама её успокою.

– Люся, угомонись! Слышишь? Тише! Давай же! Замолчи! Тише тебе говорят!

Увы, но Людмилу уже ничего не могло остановить, тем более что на столе оставалось изрядное количество огурчиков. Откусив очередную жопку, Люся в этот раз решила отправить «боеголовку» левой рукой, так как «бомбометание» правой в правую сторону выходило как-то совершенно по-корявски, что несказанно расстраивало.

Видя замысел коллеги, Миляева решила удар упредить. Взяв с тарелки самый большой персик, она метнула его в сторону обидчицы, вложив в запал всю обиду и весь свой гнев, накопленный за долгие месяцы душевных страданий.

В следующее мгновение случилось невероятное: замахнувшись как следует (на этот раз) левой рукой, Люся не смогла удержать равновесие и в режиме свободного падения с грохотом ушла с авансены, оголив тем самым не только фланги, но и центр. Бог его знает, как такое могло случиться, да только самой судьбе – не иначе – было зачем-то угодно, чтобы следом за Люсей сидела трижды прославленная Ольга Борисовна Гебра. Её мясистым лицом стремительный полёт персика и был прерван...

Всю ночь именинница и «ворошиловский стрелок» в одном флаконе почти не спала. «Что теперь будет? – думала Татьяна. – С Геброй и так отношения отвратные были, а теперь и вовсе непонятно, как к ней в кабинет заходить». И хоть Миляева после случившегося инцидента сразу же несколько раз извинилась перед Ольгой Борисовной и даже попыталась объяснить произошедшее, всё равно получилось ужасно некрасиво, грубо и невероятно пошло.

Пару дней после дня рождения Таня старалась Гебре на глаза не попадаться, но как ни крути, а прятаться вечно невозможно. На носу висели торги, нужно было нести очередной пакет документов на согласование к Ольге Борисовне. И сделать это должен был именно начальник тендерного отдела, а не кто-то другой.

Предчувствуя девятый вал, которого ей ну никак не избежать, Миляева зашла в кабинет начальника юридического отдела.

– Ольга Борисовна, здравствуйте! К вам можно?

– А это вы, Танечка, – отрываясь от монитора, промурлыкала Гебра, радушно улыбаясь. – Заходите, заходите!

– Я пакет документов вам на подпись принесла, – не веря собственным ушам да и глазам тоже, едва слышно прошептала Таня.

– Так давайте, я всё подпишу.

– Подпишете?

– Ну да, у вас документы всегда в порядке. Вы бы, Таня, только знали, какие мне шедевры из других отделов приносят... Это просто кошмар! Устала с ними бороться, – махнув рукой, хихикнула Ольга Борисовна, потирая правую всё ещё припухшую щёку, – ваши документы за образец можно брать. Ну, давайте их сюда поскорей, я всё подпишу.

Не прошло и пары минут, как принесённая кипа бумаг была завизирована. Получив пакет назад, ничего не понимающая Таня, бледная, как стена, вернулась на своё рабочее место.

– Ни про НДС не спросила, ни про теххарактеристики... Про последовательность, кстати, тоже промолчала, – отчиталась Миляева перед сотрудницами своего отдела, ждавшими её, скрестив пальцы на руках и ногах.

С той самой поры, с того самого судьбоносного миляевского дня рождения Ольгу Борисовну было не узнать. Её словно бабка отшептала: сколько бы Татьяна к ней не приходила за подписью или за консультацией, Гебра ни разу не позволила себе не то чтобы голоса на неё повысить, но даже криво посмотреть. В очередной из дней, когда Ольга Борисовна была особенно мила, Татьяна даже подумала: «А может это и хорошо, что к нам в Новосибирск привозят такие деревянные персики?»

Впечатления

*Ничто так не хоронит впечатления
от первой встречи,
как неожиданная вторая.
Л. Сухоруков*

Часто говорят, что первое впечатление самое важное и самое верное. Конечно, в любом правиле могут быть исключения, и всё же... Представьте себе: открывается дверь и заходит человек. Первое, на что невольно обращаешь внимание, так это на лицо, потом на одежду, затем манеру говорить и двигаться и т. д. В конечном итоге из всего увиденно-услышанного появляется некая картинка, которую и принято называть «первым впечатлением». Сама Коко Шанель утверждала, что у человека никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление. А, может, это и хорошо? Может, это даёт возможность производить бесчисленное количество впечатлений? И все они будут разными, порой противоположными. Да, да, бывает и такое...

С Андреем Кузоватовым, директором «куста» магазинов, мы познакомились года полтора назад на конференции, посвященной подведению итогов работы филиала. Что я могла тогда о нём сказать, после первых пяти минут нашего общения? Совсем немного: «В меру упитанный, в меру воспитанный». Это была первая ритейл-компания, в которую меня пригласили работать. Все руководители структурных подразделений, входящих в состав филиала, собрались в городе F. Мой третий рабочий день: множество новых лиц, новой информации, новых слов. Необходимо было успеть всё зафиксировать, затем уточнить терминологию и понять, что это за «звери»: «товары-драйвера», «комплексность чека», «торцы», «банкореллы», «СДО» и т. д. Кроме этого нужно было всех запомнить и успеть хоть немного пообщаться с каждым из присутствующих лично. Время конференции жёстко ограничено, однако, первые впечатления, оставленные моими новыми коллегами, всё же удалось увезти с собой.

Во второй раз наши пути с Андреем пересеклись в первопрестольной. В Москву на стратегическую конференцию были приглашены региональные руководители всех уровней, включая большинство директоров магазинов. Событие года проходило в одной из фешенебельных гостиниц столицы. Огромный конференц-зал, вместивший в себя порядка трехсот человек, стал невольным свидетелем анонса новых проектов и амбициозных финансовых планов, а самое главное – новой стратегии компании, выработанной на ближайшие пять лет. Гостеприимство приглашающей стороны поистине впечатляло: полулюксы для делегатов, обед в шикарном ресторане, трансфер из аэропорта и обратно. Двести пятьдесят приглашенных из разных уголков страны явились не только непосредственными участниками действия, но и свидетелями экономической мощи компании, в которой работали.

Большинство коллег прибыло на конференцию, что называется, с корабля на бал, и по понятным причинам с нетерпением ожидало обеда.

– Вера, давай сядем за одним столом, пообщаемся, так сказать, в неформальной обстановке, – предложила Ольга, директор D-кого «куста» магазинов, подхватив меня за руку.

– Давай, – с удовольствием согласилась я.

Не успели мы выйти из конференц-зала, как нас догнал Кузоватов.

– Что-то мы из зала вышли самыми последними, сейчас в ресторане все столы будут заняты, – удрученно констатировал он. – Надо шевелиться, а то голодными останемся. Да и вообще сидеть возле сцены была плохая идея.

– Да, ладно, не переживай ты так. Все равно количество мест соответствует числу приглашенных, поэтому без еды ты точно не останешься, – постаралась утешить нашего оголодавшего коллегу Оля.

В предвкушении обеда мы довольно быстро нашли искомое помещение. Нашему взору предстало нечто восхитительное: ресторан состоял из нескольких богато украшенных радикально расхитившихся залов, в каждом из которых была не только своя атмосфера, но и своя философия.

В первом зале, выполненном в бежево-шоколадных тонах, располагался огромный размеров камин. Зал являл собой идеальное место для свиданий и встреч с друзьями. Приглушенный свет, мягкие диваны, расставленные по периметру, а также диваны, стоящие у камина – всё здесь до мельчайших деталей было продумано и предугадано. Всё было создано для того, чтобы прекрасные дамы могли «выгуливать» свои шикарные наряды в центре зала, а при необходимости уединиться и провести романтический вечер в компании своего избранника. Из широких окон-витрин открывался прекрасный вид на одну из старинных московских улиц.

Второй, не менее просторный камерный зал с чёрными мягкими дизайнерскими диванами был отделан тканевыми занавесями цвета нежного коралла и источал настоящую романтику и уют. Стены украшали черно-белые фото в стиле ретро. Удобно устроившиеся гости этого зала наслаждались игрой саксофониста. Третий зал, на столах которого горели свечи, был выполнен в психоделических цветовых гаммах. Столы и стулья удивляли кривизной силуэтов. Уютный антураж дополняли постеры в стиле Энди Уорхола.

Все три помещения были необычайно уютными и почти домашними. На какое-то мгновение мы замешкались, не зная, в какой из залов пройти, ведь в каждом из них было довольно много посетителей. Андрей первым, словно очнувшись от увиденного, предложил нам подождать его у входа, а сам отправился в поисках свободного столика. Не знаю точно, сколько мы простояли с Олей в ожидании нашего коллеги, исчезнувшего «в поисках мамонта», – может минут пятнадцать, а может и больше, но только он так и не вернулся.

– Вера, может мы сами пойдем и поищем столик? Сколько можно здесь стоять? Народ уже с обеда идёт, а мы всё чего-то ждём, даже как-то неудобно, – предложила Ольга.

– Может ещё подождём? – замылась я.

– Нет! Всё, Вера, пошли, будем сами искать свободные места, – сказала Оля, и потянула меня за руку.

Поиск «места под солнцем» мы начали с каминного зала. Именно туда отправился некоторое время назад Андрей. Пройдя помещение насквозь, мы обнаружили, что оно сообщается с двумя соседними залами великолепными арками, таким образом, для того, чтобы попасть в соседние залы, было необязательно возвращаться в исходную точку. Ни в первом, ни во втором зале свободных столиков не оказалось, как, впрочем, и самого Андрея, зато в третьем зале нас ожидал «сюрприз». Удобно расположившись на диване, наш без вести пропавший коллега трапезничал в компании рекламщиков из соседнего филиала, совершенно про нас забыв.

– Я в шоке, – как змея прошипела Оля, – вот это наглость! И после этого он смеет называть себя мужчиной? Я просто в ауте! Вы, говорит, меня подождите, я вас от голодной смерти спасу! А представь себе, если бы мы не пошли с тобой, а всё так же стояли бы и как две набитые дуры ждали его? Вот смеху-то было бы! Все уже давно поели, а мы Андрейку ждем-с!

– Да, ладно, Оль, не злись ты на него. Ну, человек был так сильно голоден, что просто про нас не вспомнил. В конце концов, с кем не бывает?

– С кем не бывает? Ни с кем нормальным и воспитанным такого не бывает! Это только с ним бывает! Я уже семь лет его знаю. Редкостный чмошник. Впрочем, что я сейчас злюсь? Андрейка, как всегда, в своем репертуаре: думает только о своем животе и своей выгоде. На остальных ему плевать с высокой колокольни! Сегодня утром ехала с ним в метро, так ты думаешь, он мне место уступил? Ага! Держи карман шире! Он так спешил пристроить свой

рыхлый зад на диван, что оттоптал близстоящим пассажирам ноги. Ему даже люди замечание сделали, что, мол, мужчина, вы бы хоть даме место уступили. Ну, думаю, сейчас совесть проснется, и он и впрямь встанет и позволит мне присесть. Куда там! Даже не шелохнулся, только весь в мерзкой улыбочке расползся. А я чуть сквозь землю не провалилась от стыда. Представляешь? Ему ничего, а мне стало стыдно!

Настроение казалось безвозвратно испорченным. Ведь действительно человек поступил, мягко говоря, не очень красиво. На душе остался какой-то неприятный осадок и дурное впечатление. Не знаю, чем бы все закончилось, если бы я вдруг не увидела еще один, четвертый зал. Это оказался скорее даже не зал, а летняя веранда. Взяв за руку Ольгу, пока та окончательно не вышла из берегов, я смело направилась вперед, предчувствуя, что именно тут мы и сможем, наконец-таки, уединиться и спокойно пообедать.

Утопающая в зелени крытая веранда, на которую мы так неожиданно попали, была выполнена в стиле кантри. В самом углу располагался мангал. Пол, изготовленный из разных типов древесины, удачно гармонировал со светлой плетеной мебелью. Столы украшали деревенские скатерти с милыми вышитыми салфетками. Кругом преобладали пастельные успокаивающие оттенки. Даже цветы в горшках были нежно-розовых и нежно-голубых тонов. Свежие устрицы и чёрные трюфели, любезно поданные официантом, заставили нас с Олей позабыть обо всём на свете.

Но, как ни крути, а любой праздник или приятное событие имеет одно неизменное свойство – заканчиваться. Московская командировка, в целом прошедшая в позитивном ключе, надёжно заслонила собой негативные впечатления, оставшиеся после общения с Андреем.

Мое третье впечатление о Кузоватове было составлено спустя три или четыре месяца после встречи в столице. До этого времени все возникавшие в процессе работы вопросы мы решали удаленно – по почте, либо по телефону.

Скажу честно, я не горела особым желанием отправляться во владения Кузоватова, но пришлось. Нужно было провести аттестацию пяти директоров магазинов, непосредственных подчиненных Андрея.

Оценочная процедура проходила в небольшом уютном, словно шкатулочка прелестницы, кабинете нашего героя, который был обставлен не просто со вкусом, а с определенной изысканностью и даже шиком. Бесчисленное количество живых цветов, росших в причудливой формы горшках, добавляло гармонии, чего нельзя было сказать об обилии разномастных кубков, вымпелов и грамот. Пожалуй, только «боевые трофеи» портили вид и «вносили смуту в стан противника», задавшегося вопросом: кому же принадлежит сей райский уголок – достопочтенному господину или всё же юной особе.

День пролетел как одно мгновение. Ребята вполне успешно справились с полученными заданиями. Обратная связь Кузоватову по каждой из пяти персон была дана в полном объёме, включая рекомендации по их дальнейшему развитию. Оставалось дожидаться поезда, который отправлялся только через четыре часа.

– Вера, вы же первый раз в наших краях? – поинтересовался Андрей, и, не дожидаясь ответа, продолжил дальше, – а хотите, я провезу вас по самым интересным местам? Расскажу немного об истории города, и вы посмотрите, как мы живём.

– С удовольствием, – недолго думая, согласилась я, тем более что в городе S действительно была впервые.

Нашу экскурсию по городу Кузоватов сопровождал интересными рассказами. Он поведал мне о том, что его прабабке красные отрубили кисть правой руки, когда та, во время гражданской войны, отказалась выдать им раненого белого офицера, за которым тайно ухаживала. Много интересных и курьёзных фактов было рассказано не только о его роде и его месте в истории города, но и о подчиненных. С большим теплом и заботой Андрей отзывался о каждом из директоров. В его голосе звучала отеческая забота и участливость. Постепенно мы перешли

к теме путешествий, от нее к праздникам, а потом и к теме чудес, которые, по его мнению, буквально подстерегают человека на каждом шагу.

– Лет десять назад, когда я был ещё молод и красив и находился в том возрасте, когда вполне мог сойти за студента старших курсов, довелось мне оказаться в командировке в Москве. Замечу, что дело было как раз в канун Пасхи. Мы с моим коллегой решили сходить в Большой театр. Придя на место, обнаружили, что билетов нет. Что делать, как быть? Нам ни разу не приходилось бывать в Большом, а так хочется. Обидно до слёз, тем более что ночью нам разъезжаться по домам и когда в следующий раз в столицу попадём неизвестно, а тут такой облом. Тогда я решил переговорить с администратором театра. Представившись студентом института культуры, я сказал, что всегда мечтал побывать в Большом, да и вообще сегодня, в канун великой Пасхи, так хочется, чтобы чудеса совершались не только на небесах, но и в нашей грешной жизни. Через пару минут у меня в руках был пригласительный билет на две персоны в правительственную ложу, в которой периодически наблюдают не только VIP персон, но и президента.

– Андрей, да вы переговорщик от бога, – совершенно искренне сказала я.

– Ну, что вы, Верочка, уверяю вас, это было совсем не сложно! Да и потом, на этом чудеса не закончились. После театра мы отправились в Храм Христа Спасителя, правда, подойти к нему не смогли, потому как примерно за шестьсот метров стояло никого не пропускавшее оцепление. Выяснилось, что в Храм можно пройти, только имея пригласительные билеты. Усиленные меры безопасности были обусловлены тем, что службу проводил сам Патриарх, к тому же, среди гостей были первые лица государства. Но я так сильно хотел попасть внутрь, что готов был использовать любые варианты, лишь бы получить заветный пригласительный. Выяснив у офицера в оцеплении, где тут их «самый главный», я пошёл «на штурм».

Разрешите обратиться, говорю я генералу, сидящему в черном «Мерседесе», я ваш коллега, приехал из далекого города S в командировку в Москву, хочу попросить вас, как офицер офицера, быть в некоторой степени для нас (мой коллега стоял рядом) волшебником. И, не дав ему опомниться, продолжил фразой, которая уже принесла нам успех: «Сегодня, в канун Пасхи, так хочется, чтобы чудеса совершались не только на небесах, но и в нашей грешной жизни». Вы не поверите, Вера, но генерал даже не спросил у нас документы, подтверждавшие нашу принадлежность к вышеуказанным органам, которых, естественно, у нас и в помине не было. Вместо этого он расплылся в улыбке, достал из внутреннего кармана кителя два пригласительных и протянул мне, пожелав удачи. Вот так с Божьей помощью мы попали на службу, которую вёл Алексей второй.

Вечер, проведенный с Андреем, впоследствии не только долго вспоминался, но и позволил взглянуть на него с новой, неожиданной стороны: яркий, предприимчивый, с незаурядными умственными способностями и отзывчивым сердцем. Третье впечатление, не в пример второму, было крайне позитивным, но просуществовало совсем не долго...

Вот уже третью неделю шла эпистолярная тяжба между Кузоватовым и Москвой. Я стала не только невольным свидетелем стихийно возникшего разбирательства, но и активным его участником, ибо вся переписка велась через меня. По каким-то причинам, мне неведомым, и той и другой стороне было комфортнее общаться через третье лицо. Письма сыпались как из рога изобилия.

Суть разбирательства заключалась в том, что столичное руководство, с подачи директора по продажам филиала, приняло решение расстаться с Андреем. Оставалось решить ряд технических вопросов: договориться о сумме компенсации (иными словами «отступных»), дате увольнения по соглашению сторон и порядке передачи дел. Если с алгоритмом передачи дел вопросов оказалось меньше всего, то процесс определения отступных затянулся. Обе стороны никак не могли прийти к консенсусу. Big-боссы были уверены в том, что прощальное финансовое предложение, сделанное Кузоватову, более чем достойное, что он вообще должен

радоваться тому, что его, в принципе, собираются рассчитать. Андрею же, напротив, казалось, что за семь лет честной работы в компании его не только не смогли оценить по достоинству, но и решили вышвырнуть из-за пустяка: он посмел открыто высказать собственную точку зрения, не позволив уволить директора магазина за чужие грехи. Заступничество Андрея шло в разрез с «политикой партии», а кроме прочего, в корне не совпало с позицией директора по продажам. Итог не заставил себя долго ждать.

Время шло. По офису, словно спрут, во все стороны расползались щупальца слухов. Шептались о том, что возникший между коллегами конфликт интересов является стародавним, что по Кузоватову давно было принято «окончательное решение», что он всегда висел на волоске, и вот теперь с ним, с «самым умным и успешным», сводят счеты.

Наконец, игра в пинг-понг, в которой мне, по умолчанию, отводилась роль сетки, сдерживающей негатив участников «игры» и призывающей соблюдать правила деловой переписки, закончилась. Сердце Андрея «успокоилось» выплатой суммы, на которой «настояло» московское руководство. Излишне говорить о том, что данное решение не вызвало у Кузоватова особого энтузиазма, однако, уже через пару дней наш, теперь уже бывший коллега, выложил на стол свою последнюю, и как оказалось, козырную карту, о существовании которой некоторые либо не знали, либо думать позабыли.

Еще в первые месяцы работы в компании (лет семь тому назад), на Андрея был оформлен микроавтобус Mercedes-BenzSprinter CDI с целью доставки товара в магазин, который наш герой на тот момент времени возглавлял. Решение об оформлении права собственности на Кузоватова, скорее всего, было связано со стремлением компании любыми способами минимизировать налоги.

Через пару лет московский руководитель, принявший столь неосмотрительное, как впоследствии оказалось, решение об оформлении новенького микроавтобуса на физическое лицо, неожиданно покинул белый свет, а новый, пришедший на его место, ни сном, ни духом не ведал о казусе своего предшественника. Более того, Андрей и сам по прошествии стольких лет забыл про эту историю. Но коса, нашедшая на камень, заставила Кузоватова не только прибегнуть к ревизии в бумагах, посмотреть иначе на многие вещи, сделать переоценку ценностей, но и освежить память.

Все остальное было делом техники. Действуя по принципу «как аукнется, так и откликнется», «падший ангел» сам обнародовал документы, в которых Кузоватов Андрей Михайлович значился собственником вышеназванного авто, которое он в течение вот уже семи лет благополучно сдавал в аренду родной компании, якобы получая за это денежное вознаграждение в установленной договором сумме, хотя по факту, Андрей ни копейки за аренду ни разу не получил.

Узнав о том, что Кузоватов не собирается возвращать автомобиль компании, «приятному» удивлению коллег из Москвы не было пределов. Оно и понятно: стоимость авто, по самым скромным подсчетам, с учётом амортизации, переваливала за миллион, в то время как полуторамесячное «перетягивание каната» велось из-за смешных семидесяти пяти тысяч рублей.

В конечном итоге, столичное руководство ещё долго пребывало в состоянии повышенной раздражительности. Андрей Михайлович с головы до ног ходил в «шоколаде», а я оказалась в весьма затруднительном положении, впервые в жизни не зная, что ответить на, казалось бы, простой вопрос нового потенциального работодателя Кузоватова, позвонившего мне однажды и спросившего:

– Вера, поделитесь, пожалуйста, впечатлениями о вашем бывшем коллеге, Андрее Михайловиче Кузоватове....

Когнитивный диссонанс

(пародия на пьесу в тринадцати действиях)

И почему благое, казалось бы, намерение зачастую оборачивается чёрт знает чем!? Обращивается, воля ваша, каким-то психическим дискомфортом отдельно взятого индивида?! Обращивается, если хотите, столкновением в его сознании конфликтующего «хотелось» и «получилось»... Одним словом, обращивается когнитивным диссонансом. Почему?!

Увы! Ответа, кажется, нет... Или всё же есть??

Кирюша, Саша, Регина и Валера когда находились порознь, были вполне себе ничего. Были... людьми. Но стоило им собраться в одну кучу, как начинало твориться что-то запретное... Начинало происходить такое, что никоем образом не могло уместиться в здоровой голове.

Силуэт первый

Самопровозглашённый Лжецарь, или Кирюша

Вне всяких сомнений, Кирюша относится к тем, про кого люди в белых халатах говорят: «У него нарциссическая акцентуация характера». Наш малый убеждён в собственной уникальности, в особом положении и даже превосходстве над остальными людьми. Он по умолчанию ожидает хорошего к себе отношения и полного подчинения окружающих. При этом сам чувствует себя совершенно свободным от каких-либо правил и условностей. Кирюша умеет проявлять сочувствие там, где ему это выгодно. Внешне производит впечатление человека воспитанного и благопристойного, с хорошими манерами и широким кругозором. Умело пользуется интеллектом и продолжительным взглядом своих гипнотизирующих карих глаз. Нашему герою двадцать восемь и он ко всему прочему чертовски амбициозен. Амбициозен настолько, что примерно три года назад на пару с Региной Анатольевной сумел не просто сожрать своего босса, но и присвоить его бизнес себе. Как этим двоим удалось повернуть данный фортель, для всех остаётся загадкой. Кирилл Александрович Хаборим, как вы и сами уже догадались, является первейшим и наиглавнейшим лицом компании «ХБЗ». Ах, да, для полноты картины, пожалуй, не достаёт одной малости: Кирюша брезглив до умопомрачения. Больше всего на свете он брезгует... людьми.

Силуэт второй

Саша по прозвищу «Мясник»

Да, именно мясник, или Александр Петрович Мамон. Друг Кирилла Александровича со студенческих времён, по совместительству исполнительный директор. Страстный поклонник своего шефа, его фанат и ярый последователь во всём и вся. По факту – грубая и глупая копия блестящего оригинала. Александр Петрович образован, но не сообразителен. Долог в длину и широк в ширину. Всё, что он умеет – это надувать и без того пухлые щёки да орать, как потерпевший. Хотя назвать его потерпевшим не поворачивается язык. Ведь тот, у кого от рождения имеется ген кровожадности, априори потерпевшим быть не может. Мясник очень старается освоить науку «управлять», но наука-зараза ему не даётся ни за какие деньги и ни в каком виде. Бледная копия Кирилла Александровича всегда одета с иголочки и обожает придавать собственному лицу умный вид. В счастливые минуты просветления, в те самые, когда лицо действительно начинает казаться умным, очки Александра Петровича... запотевают.

Силуэт третий

Ангина

Она же Регина Анатольевна Нихаза, тридцатипятилетняя особа, прозванная «ангиной» из-за в хлам прокуренного голоса. В недавнем прошлом танцовщица pole dance, а ныне единственная из всей честной компании обладающая священным знанием о том, каким образом Кирюша смог обрести (читай – отжать) генеральные права на некогда чужой бизнес. Регина Анатольевна природная блонда, зачем-то красящая корни волос в чёрный цвет. У хранительницы чужого секрета нервное лицо и маленькие ручки с детскими пальчиками, сплошь овитыми золотом. Когда бывшая звезда ночных клубов говорит, то её густо намаженный алый рот всегда уплывает влево. Так бывает всякий раз, когда она нервничает. А нервничает Нихаза всегда, должность у неё такая: то ли директор по продажам, то ли коммерческий... или даже финансовый... Кто её разберёт. Точного названия должности не знает и сама Ангина, требующая от всех уважительного отношения. Требуемая чтобы к ней обращались исключительно по имени-отчеству и на «вы». Ангина обожает мини-юбки, похожие скорее на широкие пояса, сапоги-ботфорты зимой и лабутены летом, а также свою бессменную ядовито – зелёную шубку под шиншиллу, с которой не расстанется даже в адскую жару. Глядя на неё, коллеги произвольно начинают косить глазами в поисках пилона.

Силуэт четвёртый

Валера-Тихушник или просто Валера

Валериной фамилии, увы, никто точно не знает. Да и вообще о нём мало что известно. Но если верить сплетням, то выходит примерно так: вся троица училась вместе на факультете ПГС (промышленное и гражданское строительство), некоторое (весьма непродолжительное) время они не виделись, а потом случайно где-то столкнувшись, создали совместный бизнес. Из всей вышеперечисленной братии Валера самый главный тихоня. Валеру – кто бы знал его отчество? – можно увидеть всего дважды в день: утром, когда он без оглядки бежит в свой кабинет без кондиционера и окон, и вечером, когда он мчится обратно. Мчится так, словно бы хочет убежать от ветряной оспы. Чем Валера занимается целыми днями, вам никто не скажет. Но поговаривают, что он латентный стратег. Тем же, кто иной раз в течение дня каким-то чудом попадает в кабинет к Валере, очень тяжело выбраться наружу, ибо тихушник имеет свойство забалтывать человека до полусмерти. Вот, пожалуй, и всё, что известно о четвёртом собственнике «ХБЗ». Ой! Чуть было не забыли о главном: Валера патологически недоверчив.

Силуэт пятый

Софочка

Софочка – HR-р с опытом, про который говорят: «с пивом потянет». Софа – начальник отдела персонала в единственном лице, т.е. сама себе и подчинённый, и руководитель. Да что там говорить, HR-р, он и в Африке HR-р. Живёт по принципу: бери больше и чаще, кидай дальше и быстрее. От Софочки в «ХБЗ» ровным счётом ничего и никогда не зависело, не зависит и зависеть не будет. София старательна. И больше всего она старается остаться в живых, пребывая между молотом и наковальней. Точнее сказать, четырьмя наковальнями и четырьмя молотами.

Силуэт шестой

Чёрная вдова (она же главбух)

Чёрт побери! Как бы не было лень, но об этой старой педофилке тоже придётся рассказать! Жанна Савватеевна, женщина преклонных лет, с оранжевой помадой на плотоядных губах и вдовим бугорком на седьмом позвонке. Её офисный гардероб состоит исключительно из вечерних платьев для выхода в филармонию. Её тяжёлые советские духи и «ароматные» красные розы на чёрном строгом платье, её струящиеся шарфы и хитросплетённая бижутерия из металла и текстиля на рыхлой недевической груди мало кого могут оставить равнодушными. Чёрная вдова – единственная из наёмного персонала, которой позволено к Регине Анатольевне обращаться на «ты», правда, нечасто и только в приватной беседе.

Финт первый

Начало начал

Теперь, когда все герои вышли из тени, самое время поведать их историю, так славно некогда начавшуюся. Квартет Кирюши, Саши, Регины и Валеры сложился не сразу. Изначально родился дуэт Кирилла и Регины, примерно через год после того, как эти двое стали счастливыми обладателями небольшенькой компании «ХБЗ», к ним присоединились ещё двое, вечно алчущих – Валера и Саша.

«ХБЗ» каким-то престранным образом был «попилен» на четыре совершенно неравные части. Пятьдесят один процент достался Кириллу Александровичу Хабориму, тридцать процентов отошло Регине Анатольевне Нихазе, оставшиеся два раза по девять с половиной разобрали по себе пацаны. Когда «пирог» был порезан, встал вопрос о зонах ответственности. Долгое время топтались на месте, ещё дольше рядились и торговались. В результате продолжительных дебатов высрали (пардон) решение, которое в той или иной мере устроило всех четверых. Кирюша был назначен на должность главного хранителя отжатых ценностей, он же являлся генеральным директором и идейным вдохновителем всего этого чуда. Ангина Анатольевна стала отвечать не то за привлечение новых клиентов, не то за средства в «кошёлке». Мяснику отошёл огромный блок под странным названием «управление персоналом», а Тихушнику досталось ничегонеделание.

И потекли безмятежные дни, словно пчелиный воск: мягкие, тягучие и душистые. И было всё прекрасно ровным счётом до той поры, пока Кирилл Александрович не засобирился в «ХБЗ» организовать передовой отдел продаж...

Финт второй

Настоял...

В один прекрасный день самопровозглашённый Лжецарь возжелал организовать отдел продаж, который бы функционировал по всем законам современного бизнеса. А чтобы продажи пёрли, Кирюша, по научению латентного стратега и главного Тихушника, решил всех до единого будущих продавцов оценивать прогрессивным способом: словно стадо скота загонять люд на полиграфное тестирование (детектор лжи).

Голос суфлёра:

Мы с вами как люди грамотные прекрасно знаем о том, что в нашей ничуть ни менее прекрасной стране всё, что не запрещено Законом, им же разрешено. Официально применение полиграфа в сфере трудовых отношений не противоречит Трудовому кодексу РФ, следовательно, с лёгкостью может проводиться на основании письменного заявления о добровольном согласии, которое составляется подопытным кроликом непосредственно перед проверкой.

Финт третий

Сказано – сделано

Софочка, опираясь исключительно на своё профессиональное чутьё, очень быстро выбрала агентство по предоставлению подобных услуг. И понеслось... В коридорах «ХБЗ» запахло жареной человечинкой...

И снова суфлёр:

Для тех, кто не в курсе, стоит сказать: оценка на полиграфе проводится согласно контролю психофизиологических параметров: дыхания, сердечной деятельности, кожно-гальванической реакции и др. Под пристальным вниманием специалиста находится сердцебиение, тремор рук, потоотделение и прочие показатели подопытного «кролика». Именно по вышеперечисленным данным и выносится «окончательное решение»...

Финт четвёртый

Первый блинец завсегда в глотке застрянет

Да, скажем прямо: стартовый блинчик пошёл комом.

Первых четверых претендентов на должность РОПа (руководитель отдела продаж) Полиграф Полиграфыч «слил» со всеми потрохами. Один соискатель утаил, что привлекался к уголовной ответственности за драку на пляже, второй был клинический придурок. Ну и наконец, последний кандидат имел карточный долг и вообще был с непрофильного рынка (совершенно не знал тему строительства).

По какой причине соискателям было отказано, они не узнали, ведь заказчиком услуги выступала «ХБЗ». Посему и «тапки» принадлежали ей.

Финт пятый

Ое, ое, ое!

На пятом круге ада РОПа всё же нашли. Им оказался белый пушистый и невероятно стеснительный тридцатисемилетний Эдичка. Он не пил, не курил и даже не матерился. Бонусом шёл Эдичкин пофигизм: новому РОПу было до фонаря, что именно продавать, тем более что продавать он всё равно не умел...

Через три месяца, когда продажи совсем встали колом, а дебиторка взлетела до небес, Ангина, бегая по офису, ревела, словно павиан и никто не мог её унять.

– Ужас! Какой кошмар!!! Да лучше бы этот придурок жизни пил и курил! Курил траву! Чтобы продавать, нельзя быть пай-мальчиком, нужно быть волком! Матёрым волчищем! Нужно крутиться и вертеться на одной пятке! И даже больше! Нужно на собственной шишке крутить и вертеть всех, кто тебя окружает! А он что??!!

Финт шестой (внеплановый)

БМ головного мозКа

Первая трещинка в стане наших друзей произошла из-за сущего пустячка, из-за какой-то ничего не значащей мелочушки.

Мясник, ну, тот самый Мамон, откуда-то выдрал информацию о некой ВАУ-компании, под названием «БМ», которая за очень крутые бабки обещала собственным адептам открыть величайшие тайны в области продаж. А кроме того – тайны управления персоналом. Тем самым персоналом, который у Саши завсегда хромал и болел.

Кирюше и Ангине предложенная раскрасневшимся Мясником инфо пришлась по душе. В этом они усмотрели хороший знак, мол, как только мы задумали реализовать крутой отдел продаж, так сама Вселенная стала нам подбрасывать новые шансы, в том числе шансы узнать что-то стоящее о правильном ведении бизнеса.

И только Валера, доселе мягкий и сговорчивый, не пойми с чего встал в позу и наотрез отказался чему-либо обучаться.

– Зачем деньги компании выкидывать на ветер? – упрямо твердил он. – Всё, что нам было нужно, мы уже узнали. У каждого из нас за плечами институт. Ну, кроме Регины... Не вижу нужды отваливать каким-то козлам такие бабки! Мы их совсем не знаем! Кто они такие, эти «БМ»? Я против! Против – и слушать больше ничего не хочу!

Затяжной седьмой финт

Мы пойдём другим путём

Жестоко отвергнутая Чёрная вдовица с удовольствием помогла палачам намылить верёвочку:

– Ваш РОП – тупоголовый баран! Не оценил данного ему шанса.... Не только продавать, но даже считать не умеет! Примитивное животное!

С Эдичкой простились. Заодно провели работу над ошибками, пересмотрев собственные взгляды относительно будущих кандидатов. Было решено взять на работу человека «с лёгкими грешками».

Курил и бросил? – значит, есть воля. Если ещё не бросил, – значит, брутален. Дрался и привлекался? – значит, сможет отстоять собственную позицию. Пил кисель из конопли? – ну так что из того? Это, если хотите, вообще наша национальная особенность. А если подделывал документы, – это, конечно, не очень хорошо, но всё же навык весьма полезный, особенно в чёрно – белых конторах, коей является «ХБЗ».

Кроме вышеуказанных нюансов непременно нужен был кандидат с высшим образованием и дополнительным образованием в виде тренингов продаж. Особенно приветствовалось, если потенциальный сотрудник обучался на всех этих семинарах-тренингах-шмениях по собственной инициативе и за свой счет. Ну и, наконец, обязателен был опыт в сфере проектирования, ибо такой кандидат обходился дешевле – его не нужно было обучать.

Время поиска нужного человека, естественно легко на плечи Софочки. Та упиралась изо всех сил, однако, все до одного входившие в «ХБЗ» РОПы по той или иной причине в новый «продвинутый отдел продаж» ни так, ни даже этак не встраивались.

Финт восьмой

Я истерик не боюсь...

Когда ты молод и дерзок, а к тому же являешься собственником компании, всегда велик соблазн экспериментировать. Велико желание проводить опыты над гоями. И не важно, кто они: наёмный персонал или твои друзья-компаньоны. Желание постоянно получать новые эмоции велико, а результаты экспериментов вполне занимательны. Они не только разнообразят жизнь, но и изрядно обогащают её.

А вот для Регины Анатольевны каждый новый РОП был и последней надеждой, и новым концом света. Только она запомнит его лицо и имя, как приходится забывать – выходит следующий. Но ладно бы приходилось привыкать к новым именам и лицам, так ведь нет... Постоянно менялись «пароли» и «явки», постоянно менялось её рабочее место.

То Кирюша решит «приземлить» свою правую руку на одной поляне с продавниками, чтобы та была в курсе всего и вся, то, напротив, возьмёт и едва ли не силой пересадит её в противоположный конец огромного офиса, в какую-нибудь затрапезную камору, наподобие той, что у Валеры. Всякую инновацию Хаборим подкрепит железными аргументами:

– Сиди, Регина тут, иначе они никогда не повзрослеют и так и будут по каждому пустяку бежать к тебе и сосать твою грудь.

Вой – не вой, истери – не истери, всё равно будет так, как решил старший товарищ.

Только Ангина было смирилась с инновацией, как новая напасть: опять переезд или очередной РОП. И если бы не Чёрная вдова, да не Софочка, по очереди успокаивающие Нихазу, то её и без того норовящий уехать влево рот так и остался бы навеки вечные рядышком с ухом.

Финт девятый

А может так...?

Что делать? Как быть? Где взять идеального РОПа? Такого РОПа, который бы САМ возжелал взойти на голгофу?

В поисках ответов мучились мало. Кирюшу довольно быстро осенило:

– Я знаю, какой руководитель отдела продаж нам нужен! – вскричал Лжецарь. – Нам нужна женщина лет тридцати – тридцати пяти. Женщина без детей. И без мужа. Одинокая женщина. И к тому же некрасивая. А можно и вовсе найти страшненькую... Да, страшненькая даже лучше. Нужна такая, у которой нет и в перспективе не намечается никакой личной жизни! Мы станем её личной жизнью! Она будет жить нами! Будет работать на «ХЗБ» безо всякой оглядки. Мы пообещаем ей золотые горы и с её помощью сможем вывести отдел продаж на должный уровень. А когда это произойдёт, мы... Мы решим что делать дальше...

Уяснив основные компетенции, Софочка побежала искать «страшненького» РОПа.

И, вы знаете, – нашла!

Оксане Ивановой было глубоко за тридцать. Она, скажем честно, не отличалась природной привлекательностью. Но больше всего радовало заказчиков то, что кроме ипотеки, у Оксаны в жизни не было ровным счётом ни-че-го. В общем, Софа нашла именно то, что доХтор прописал.

Финт десятый

Завіруха мяце завіруха

Софочке, пусть и косвенно, но всё же, в поисках новых РОПов активно помогал Сирож (так его почему-то называли в «ХБЗ»). Трудился он в отделе маркетинга и в свободное от работы время занимался тем, что «затирал» на всевозможных рабочих сайтах негативную информацию о родной компании. Сирож самоотверженно переписывался со службой поддержки сайтов, убеждая тех – пусть даже за деньги – удалить враньё экс-сотрудников. И «паск-вили» удаляли.

Идя след в след уволенным и обиженным, Сирож посыпал «снежком» недавно протоплённые тропинки. Он делал всё для того, чтобы «поле» издали выглядело нетронутым.

Новый претендент, не будь дурак, прежде чем отправить своё резюме на открытую вакансию, конечно же, заходил в Рунет, так сказать, ознакомиться с аурой возможно будущего работодателя. Заходил, но там всё было идеально чисто!

Сирожина «завируха» Кирюшей худо-бедно оплачивалась.

Финт одиннадцатый (самый лаконичный)

И жили они счастливо, правда, недолго...

Как Кириллом Александровичем и планировалось, Оксана по собственной инициативе стала жить не в ипотечной квартире, а в офисе «ХБЗ». На что только не пойдёшь ради обещанной золотой Джомолунгмы...

Да, Оксана оказалось Тем Самым долгожданным РОПом, после прихода которого все без исключения в «ХБЗ» смогли расслабить собственные «булки»...

Финт двенадцатый

Тебе, прогресс, поём мы песТню

Ах да! В тот самый день, когда Валера – Тихушник настоял на «Полиграф-Полиграфыче» для всех без исключения продавщиков, мысль Кирилла Александровича устремилась дальше. Значительно дальше. Впрочем, об этом Валера узнал гораздо позже...

Как только дверь за Тихушником закрылась, Кирюша открыл свой блокнотик и каллиграфическим почерком вывел:

«1. Всех до единого сотрудников отдела продаж каждые три месяца проверять на детекторе лжи, чтобы не расслаблялись и чувствовали себя в тонусе.

2. Так же проверять на детекторе всех до одного перед увольнением. Если результаты удовлетворительные, стоит рассчитать. Если нет -...

3. Непременно установить прослушки на все без исключения телефоны, включая телефоны Санька, Валеры и Регины.

4. Все разговоры записывать...»

Тягун первый и последний

он же Финт тринадцатый (печальный)

Установленные на телефоны прослушки поначалу не принесли никаких результатов. Хаборим даже успел расстроиться: денег влупил, а толку никакого. Но совсем скоро Кирюша пожалел о собственных скоропалительных выводах. Благодаря прослушкам выяснилось нечто невообразимое.... Выяснилось, что у Тихушника рыльце в пушку...

Чтобы развеять всякое недопонимание, Кирилл Александрович собственноручно предложил своим партнёрам по бизнесу последовать примеру продавцов – пройти полиграфное тестирование. Более того, он первым взойшёл на «эшафот». Следом за Кирюшей на плаху легли головы Мамона и Нихазы. Все трое (относительно друг друга) оказались кристально честны.

И только Валера «отстреливался» до последнего. Когда же патроны закончились, он сам, безо всякого полиграфа и всякого стеснения заявил:

– Да, я иногда работаю налево. И что тут такого? Не вижу в этом никакого криминала. Это МОИ заказчики, и они хотят работать непосредственно со МНОЙ. У меня нет ни одной причины им в этой малости отказывать.

От услышанного очки Мамона треснули, а у Ангины Анатольевны случился самый настоящий когнитивный диссонанс, перешедший в недельную истерику.

Дни напролёт Нихаза бесновалась, забегая то к Чёрной вдове, то к Софочке, то к Мяснику (Кирюша наотрез отказывался её принимать), она повторяла одно и то же:

– Нет, вы только представьте, какая тварь! Какая тварь! У меня это в голове не помещается! И мы ему доверяли... А он всех нас так киданул... Мы... да мы, можно сказать, жрали с ним из одного корыта! А оказалось... Нет! Это немыслимо! Оказалось, что он подлая мерзкая тварь! Какая же он тварь....!!!!

Едва страсти по Валере улеглись и Ангина утомилась, как всплыла новая напасть. Оказалось, что у Тихушника со страшненькой Оксаной (той самой, которая РОП), сложились очень даже сексуальные отношения.

«Шило», так некстати выскочившее из мешка, стало поводом для новых диссонансов и истерик...

Стало поводом к выволочке, которую Нихаза устроила Софочке (и за что только?), а также поводом для поиска нового РОПа (ну, тут уже намного всё понятней...).

Но самое главное – «шилко» заставило Кирюшу, Мясника и Ангину очень сильно напрягаться, глядя друг на друга. Впрочем, решение – хорошо оно или худо – опять-таки нашлось. Во избежание недопонимания в будущем, партнёры коллегиально порешили каждый месяц всем вместе захаживать на полиграф...

Пояснения к «пьесе»

Когнитивный диссонанс – это состояние мысленного или психологического дискомфорта, вызванное столкновением конфликтующих идей, поступков, убеждений, эмоций или чувств.

Тягун (отбойное/разрывное течение) – опасная отбойная волна, направленная под прямым углом от берега к морю. Образуется в ходе отлива, в тот самый момент, когда прилившая вода начинает отходить обратно в море с большой скоростью (два-три метра в секунду). Тягун крайне опасен тем, что в мгновение ока может унести человека в открытое море. Сопротивление ему, как правило, бесполезно.

Муж Ирины Алексеевны, или роман, который не сложился

Хммм... с чего же начать? А начну-ка я, пожалуй, с главного – с мужа Ирины Алексеевны Надрышевой...

Ананий Геннадьевич – непризнанный гений, никем не оценённый бумагомаратель, в недавнем прошлом военный, из тех, кто квадратное катает, а круглое носит в руках. Он величайший из эстетов и любитель витиеватостей, он философ и знаток человеческих душ. Никого Ананий Геннадьевич не любит так нежно и страстно, как «Человека», вот только жаль, что уже целых сто пятьдесят пять лет как этого самого «человека» стало невозможным подарить или продать на законных основаниях...

Муж Ирины Алексеевны – крутой бизнес-вумен, организовавшей торгово-производственную компанию «Нетопырь» практически с «нуля», – во всём её надежда и опора, её, без всякого преувеличения, ТЫЛ! Он та-а-а-кой молодец! Если бы не он, то бизнеса, возможно, и вовсе бы не было, по крайней мере, его «прописной» части. Более того, у компании совершенно точно не было бы столь необычно-шикарного названия, которое, между прочим, своими корнями уходило в библейские сюжеты. Летучая мышь, или нетопырь, была одним из пятидесяти шести священных животных, описанных в Библии. А так как вышеобозначенный муж являлся неистовым христианином, то всё, что находилось в квадрате под названием «религия», было для него наполнено святым и непоколебимым смыслом.

На Ирине Алексеевне было «завязано» всё: от создания новых коллекций и переговоров с поставщиками и фабрикантами до решения всех текущих вопросов, включая главный – обеспечение прибыли. Но муж ей очень помогал! Одни только тексты на корпоративном сайте, сочинённые им, чего стоили:

«Мы создаём истинные и уникальные ценности, которые останутся неизменными в веках. Добро пожаловать на наш сайт, добро пожаловать в ранее нигде не опубликованные мысли, мысли компании «Нетопырь». Наш проект не надуманный, о, нет! Он выстраданный, он пульсировал в нас с самого нашего детства.... И вот он вышел наружу... «Нетопырь» – это истинная материализация нашего творческого подхода к жизни, это источник вдохновения, осеняющий нашу жизнь. Источник яркий, неужёбный, креативный, честный, романтичный. «Нетопырь» творит для Человека, принимающего нас такими, какие мы есть! Мы творим для Себя, в том же мире живущих...

«Нетопырь» стремится быть для всех вас эмоционально близкими и рационально выгодными, мы хотим стать вашим истинным удовольствием, без которого ваша жизнь утратит всякий смысл! Мы честны со своим клиентом, ибо честность – это наша нравственная основа, это то, без чего невозможно никакое начало, как невозможен выдох без вдоха! «Нетопырь» дорожит своей публичной репутацией, именно поэтому мы в буквальном смысле этого слова отслеживаем каждый миллиметр нашей строки, следим за каждым сантиметром наших превосходных тканей.

Наша продукция – это истинная синергия полёта фантазий дизайнера с дизайнерской эстетикой, это воплощение законов модного жанра и искусство находить компромисс там, где его априори быть не может. Это технологический прагматизм, это желанный плод, явившийся миру во всей

красе, благодаря альянсу «совершенно точно знающих» и «неимоверно тонко чувствующих» сотрудников «Нетопырь».

«Нетопырь» давно отринул все догмы, сочтя их излишними, отягощающими наш путь. Сегодня мы намного круче, чем вчера, а завтра мы будем круче, чем сегодня... и т. д. и т. п. и прочее, прочее, прочее...».

Невыносимое желание быть хоть кем-то прочтённым, быть хоть в чём-то признанным влекло мужа Ирины Алексеевны вперёд и вперёд: сквозь тернии к звёздам, таким далёким равнодушно-стылым плевочкам.

Вышеуказанный муж обожал жёсткий Ordnung, но подходил к нему не без творческой изюминки. Уж если сотрудники «Нетопыря» и должны ходить по контуру, то пусть этот самый контур будет хотя бы... красиво задекорирован.

Выйти в «Нетопырь» Лену приболтала досужая Раиса Наумовна:

– Леночка, это как раз-таки то, что вам нужно, поверьте мне! Лучшей компании в нашем городе вам не сыскать. Вы не представляете, Лена, какие они креативные, какие амбициозные, а творческие какие... Нет, вам положительно нужно идти к ним на собеседование. Они уже давно ищут нового директора по персоналу и вы – лучшая кандидатура для них. Я своим намё- танным глазом это вижу. У вас с ними сложится роман! Поверьте мне! Я никогда не ошибаюсь!

Леночка, как ей самой о себе думалось, была довольно мнительной и нерешительной особой. С одной стороны, она давно была готова к тому, чтобы закружиться с карьерой «директора по персоналу» и полностью посвятить себя обучению, с другой – всякий раз, как только доходило суть до дела, Лена начинала дрожать, аки осинка на колючем ветру, отказываясь входить в тёмные воды фриланса. Работа на себя – это так зыбко, так непонятно, к тому же так ответственно, иное дело – работа по найму. Одним словом, сомнения Лену терзали изрядные. Фриланс – страшно, но так притягательно, работа на дядю – стабильна, хотя и чрезвычайно отвратительна, или даже так: стабильно отвратительна. Поразмыслив, взвесив в очередной раз все «за» и все «против», Леночка вновь пошла по поводу у собственных слабостей и страхов.

В итоге, первое марта две тысячи шестнадцатого года для неё ознаменовалось двумя вещами: днём, когда удавился Иудушка и выходом в компанию «Нетопырь». И если с первым можно было с лёгкостью смириться – удавился, туда ему и дорога, то как мириться со вторым, Ленка пока не «догоняла».

О том, что Иудушка «удавился», стало известно благодаря мужу Ирины Алексеевны.

– Батюшки, – взвизгнул он, вскакивая со стула, – Ирочка, смотри кто к нам пришёл?! Это же Елена Сергеевна, наш новый директор по персоналу. Ждали, ждали вас, дорогая! Не скрою, во многом на вас уповать будем. Вы для нас большое приобретение и главная надежда!

– Здравствуйте, да, я Елена Сергеевна, – сухо подтвердила вышесказанное наша визави, – можно просто Лена.

– И как символично-то, а? Ирочка, как символично! Выйти на работу в такой особенный день! День, когда Иудушка удавился, да простим мы все его, – не унимался муж Ирины Алексеевны. – День, когда восторжествовала вселенская справедливость.

Первый рабочий день, прямо скажем, был не напряжным, на пересказ истории «как Иудушка удавился» ушёл час с небольшим, всё остальное время Лена потратила на знакомство с «ВКС». Хошь не хошь, но работая в «Нетопырь», этого «зверя» невозможно было избежать даже захудалому читинскому кладовщику.

«ВКС», или внутренний корпоративный сайт, был гордостью мужа Ирины Алексеевны. «ВКС», если хотите, был ристалищем, был авансценой, где резвился прима-актёр, был рупором и прочным канатом, связывающим Анания Геннадьевича с нетопырями! Именно в этом информационном пространстве обитала душа достойного мужа.

Да, литературной плодовитости господина Надрышева мог бы позавидовать даже Саня Дюма-старший, который, как известно, стал отцом не одной сотни произведений.

Каждое утро вышеобозначенного мужа начиналось с гигиенических процедур. Расстелив на крышке рабочего стола салфетку, Ананий Геннадьевич начинал колдовать над собственными руками, изъеденными псориазом. Минут через сорок, когда салфетка полностью покрывалась струпьями, можно было переходить ко второй части – «Афлодерму», а там и к третьей – делиться с миром наиумнейшими мыслями, бившими из него словно гейзер.

Перлы замудёжника были воистину причудливо-орнаментальны...

«Сегодня, третьего марта две тысячи шестнадцатого года от рождества Христова, меня посетила умнейшая мысль. Гонимый мрачными предчувствиями и нездоровым воодушевлением, боясь чего-то неизведанного, я подумал: как, КАК мне жить дальше? Если апокалипсису когда-либо суждено будет сбыться, то, уверен, начинаться он будет именно так: всяк перестанет думать о смысле собственного бытия....»

«Сегодня холодный хмурый день, четвёртое число месяца марта две тысячи шестнадцатого года от рождества Христова и я думаю о жизни, я думаю о каждом из нас в своём уникальном разнообразии. И мне бы очень хотелось, чтобы сейчас, в этот момент, при словах „мы“ и „я“ в голову каждого из нас приходили не те, самые привычные, а потому тривиальные ассоциации – „компания“ или „отдел“ или даже „сотрудник“. Потому что это – не прежде всего. Потому что прежде всего – другие, более правильные слова: „Человек“ и его „жизнь“. Кроме Жизни настоящей есть Жизнь прошлая и есть Жизнь будущая (да, поверьте, и туда при желании можно заглянуть). Жизнь – отношения. Жизнь – увлечения. Жизнь – впечатления. Жизнь – настроения. Жизнь – изменения: вот здесь я такой, а там... ой, я другой... Жизнь как возможность для самовыражения. Жизнь как отношение к самой Жизни. Жизнь – это каждый из нас в своём уникальном разнообразии. Продолжать можно, но остановиться – нужно...»

«С самого утра марта месяца пятого дня года две тысячи шестнадцатого от рождества Христова я... Я открыл для себя новое явление, которое назвал «поляризация»! О чём это я? Да, очевидная активизация нашей жизни на «ВКС» есть – это не может не радовать!!! Но вместе с этим количество людей, игнорирующих здравый смысл – остающихся «за бортом» нашего ежедневного общения на «ВКС» – остается большим!!! Друзья, вы по-прежнему мало пишете мне комментариев!!! Отстающий «обоз» обозначился явно, и мне очень не хочется, чтобы это отставание стало критичным для нашего дела, да и для самих «обозных». Не буду делать секрета: некоторым людям до сих пор непонятно, что такое «ВКС». Те, кто не читает «ВКС» сами не ведают, как отстали они от жизни и как хорошо это видно всем «посвящённым». Потому что ответы на их вопросы давно уже (неделю, месяц, два, полгода...) были даны на «ВКС». Да, правильно: далее обычно следует серьёзный конфуз, но не от того, что не знает, а от того, что был уличен!!! Поэтому я снова решил взяться за «старое» – обратиться к теме «ВКС», так как отлично понимаю, что кто-то, сам этого не понимая (очевидно, не понимая и многого другого), в этом сильно нуждается. Возможно, я местами покажусь несколько категоричным в своих суждениях, но заранее прошу меня извинить и... воспринимать, как доктора, который должен сделать болезненный укол во имя исцеления

страдающего от недуга пациента. Итак, друзья, что такое «ВКС» в нашей жизни:

– Источник вдохновения и ежедневного эмоционального настроения каждого сотрудника;

– Достоверные ответы на актуальные вопросы непосредственно из первоисточника, а не через «испорченный телефон», коим каждый из нас невольно может быть;

– Возможность для каждого сотрудника самостоятельно сформировать своё собственное представление о «Нетопырь»;

– Источник мудрых знаний и «копилка идей»....»

Каждодневная утренняя мысль наимудрейшего мужа, размазанная листках этак на пятнадцать, а то и двадцати, вызывала у читающих не только зелёную тоску, но жесточайшую ломоту в зубах и даже коленях. Правда, автора такие мелочи нисколько не заботили. «ВСК» обязан был читать всяк в «Нетопырь» входящий. Ежедневно читать и комментировать!

Иногда муж Ирины Алексеевны повествовал и о более приземлённых вещах, таких, как, например, «объём рынка» или «финансовая стабильность», правда, прочтение «экономических пасторалей» давало совершенно чёткое понимание: автор – сущий баран и ровным счётом ни-че-го в том, о чём пишет, не понимает! Другое дело – философия или «Человековедение»...

Все до одного документа в «Нетопырь» – а была их тьма тьмущая – были разработаны мужем Ирины Алексеевны. Особняком стоял «Регламент по подбору персонала», состоящий из двух (!) томов: «Основного» и «Дополнительного». Одних только этапов согласования кандидатов в компании было двенадцать, – видимо, по числу апостолов, а анкета, которую заполнял всяк желающий «сюда войти», была на тридцати листах.

Да, Анания Геннадьевича нельзя было обвинить в лапидарности текстов, как впрочем, и в иных добродетелях, свойственных глубоко верующему человеку. Как ни странно, но муж Ирины Алексеевны был не просто гуру, он был гурман. Да чего уж греха скрывать, любил божий человек закусить человеком.

Сие Лене стало понятно вечером марта месяца девятого числа два тысячи шестнадцатого года от рождества Христова. Именно в эту символичную во всех отношениях дату – обретения главы Иоанна Предтечи – Лена смогла одномоментно убить двух зайцев: обрести наконец-то собственную голову и рассмотреть за елеем истинное лицо неистового христианина.

– Ананий Геннадьевич, я анкеты вам принесла. Решите, когда вам будет удобно людей отсобеседовать, я назначу время, – сказала она, протягивая «трёхтомник» в руки мужа Ирины Алексеевны. – Тут пара человек на директора магазина в Томске и Бийске, а также один кладовщик в Чите и два кассира в Кемерово и Новокузнецке. Наверное, Таня (менеджер по подбору персонала) ошиблась, передавая вам анкеты, мне следовало принести вам только тех, кто на директора...

– Нет, Танюша не ошиблась, всё верно, – улыбаясь, подтвердил Ананий Геннадьевич. – Я смотрю всех. Всех без исключения! Даже тех, кто приходит в «Нетопырь» работать кладовщиком. Я хочу знать, кто все эти люди и чем они дышат. Я хочу знать о них всё! Поэтому лично собеседую буквально каждого.

– Ну, хорошо, – сказала Лена, собираясь уходить. – Когда примите решение по кандидатам, сообщите, пожалуйста, мне.

– Стой, ты куда это собралась? – недоумённо воскликнул Ананий Геннадьевич. – Ну, ка присаживайся ко мне поближе. Так дело не пойдёт. Кандидатов, что ты мне принесла, нужно обсудить. Нужно пройтись по всем ста пятидесяти критериям оценки. С кем же я их буду обсуждать, как не с директором по персоналу?! Ты уже читала «Регламент по подбору»? Ты видела список компетенций, который я составил? Хочешь мне сказать, что все эти люди соответствуют заявленным критериям? У них вместо сердца «пламенный мотор»? У них

есть ВЕРА? Я про веру, которая необходима для работы в команде, про веру в команду. Без такой веры работать невозможно, это всякий знает! Нужна подлинная Вера, та, на которую ни у одного клиента и ни у кого в команде не возникнет мысли воскликнуть по Станиславскому: «Не верю!!!» Вера той силы и качества, которая без множества лишних слов позволит вести других за собой. Неподдельная и сильная Вера, которая, как будто пропитывая собой всё, Всё, что мы делаем, превращает хороший результат в отличный, а отличный делает ещё лучше. Есть у них такая вера? Отвечай!

Лена сидела с квадратными глазами, совершенно не понимая, что происходит, а главное, что ей ответить...

– Что ты молчишь? Я хочу знать твоё мнение. Они такие? Их ВЕРА велика? – петушился Надрышев.

– Эти кандидаты собеседовались не мной и даже не при мне. Я работаю в компании, если вы помните, всего несколько дней. А эти люди финалисты, то есть они успели пройти все круги ада: анкетирование, тестирование, проверки службы безопасности, кучу собеседований, полиграфы и прочее, остановившись на последнем этапе...

– Вот как, значит? Ну, хорошо, на первый раз я тебя прощаю. Ты действительно работаешь у нас без году неделя. Но усвоила ли ты, чего я хочу? Я хочу, чтобы у каждого в «Нетопырь» входящего была чуйка. Нет, не в смысле – старинный мужской кафтан, а то, что принято называть эмоциональным интеллектом! Ты знаешь, что такое эмоциональный интеллект? Я расскажу тебе, чтобы у нас не было разночтений. Это правильный «замес» опыта и интуиции, рассудка и чувств, позволяющий интуитивно улавливать то, что хотят и в чём нуждаются люди, знать их сильные и слабые стороны. Это способность пропускать все ситуации «через себя» и умение ставить себя на место другого, «сканируя» мысли людей и чувствуя их «изнутри», способность проживать ситуации со всех сторон, воспринимая жизнь в 3D-измерении. Это страсть к мелочам и чутье на них, исходя из понимания, что только видение мельчайших деталей позволяет понимать суть проблемы, и находить самое правильное решение. Это способность оценивать реальность не только по сказанным кем-то словам, но и по всему неявному – череде «случайных» событий, поступкам, жестам, интонациям и всему иному, что позволяет складывать, как пазл, из отдельных фрагментов реальную картину мира, основанную на собственных умозаключениях, а не чьем-то неверном суждении.

Пока муж Ирины Алексеевны тыкал Лену носом в не пойми что, сама Ирина Алексеевна, стол которой располагался в противоположном углу огромных размеров рабочего кабинета, о чём-то спорила с группой коллег. Довольно громкое обсуждение насущных вопросов давало Лениному мозгу возможность периодически переходить в режим экономии энергии.

– Вот же придурок, – думала она, глядя на Анания Геннадьевича, – пока жена из последних сил бизнес на себе волочёт, он на анкеты онанирует. Знаток человеческих душ, мать твою...

– Ты видела, ты понимаешь, что я хочу, чтобы всяк входящий в «Нетопырь» УЖЕ знал что-то о нашей компании?! Я хочу, чтобы соискатели знали наши ценности, нашу историю, наш менталитет. Крайне важно, чтобы они знали технологию продаж, знали наши красивые истории. У нас их много, мы постоянно о них пишем и говорим! Это наша аура! Для нас важны реальные знания, именно они делают из менеджера Человека! А всякие там «дальние родственники», которые хотят к нам просочиться – это увольте! Однажды увидев и пообщавшись с таким, я быстро понял: да, по формальным признакам – родственничек, а как человек – настоящий «мудак».

– Ананий Геннадьевич, – вставая со стула, очень громко произнесла Лена. – Сказала бы я вам, кто тут истинный «мудак», да боюсь, что ваши божьи ушки правды не выдержат. Вместо того чтобы у собственной жены с умным видом на шее сидеть, занялись бы вы лучше чем-нибудь стоящим. Пейсатель вы, прямо скажем, никакой, да и потрошитель из вас тоже весьма

посредственный. Вы когда человека препарируете, что ищете? Себя? Или собственную душу? Что молчите?

Муж Ирины Алексеевны, как и все находящиеся в кабинете, окаменели, очевидно, не веря собственным ушам.

– Ладно, хорошо с вами, да только без вас куда лучше. Пойду я. Что молчите??? День говорю, сегодня отличный! Прямо-таки знаковый! Иоанн Предтече, говорят, голову сегодня обрёл... Слышали?

Лояльность

В поисках работы Таня находилась не первый месяц. Состояние «отыскивания куска хлеба» для неё было перманентным. Она искала, искала и искала. Перерывы между «рысканьем» случались, но были не столь продолжительны, как ей бы того хотелось. Причин тому хватало.

То начальник – старый маразматик – спятив на старости лет, вдруг решит отведать упругого Танькиного тела, а она взбрыкнёт и, вильнув задом, хлопнет на прощанье дверью так, что штукатурка посыплется. Ещё чего не хватало! У неё достаточно ума, чтобы состояться в этой жизни благодаря собственной голове, а не тому, что ниже пояса.

То курица какая-нибудь жёстко подставит. И ладно бы курица хоть была породистая, а то так, одно название. Кудахтающее нечто, всегда готовое умаслить начальство, лишь бы выгоду свою поиметь, а потом и вовсе в Татьянино кресло запрыгнуть. Иного способа подняться вверх по карьерной лестнице курицы в массе своей не ведают. Эх... обидно!

То вдруг случится на работе какая-нибудь афера, подпадающая под действие Святого писания, под названием УК РФ, в которую непременно попытаются втянуть нашу страдалицу. А она, даже не прикидывая хрен к носу, сразу отрежет: мол, нет, дорогие мои господа-товарищи, меня в этой теме не будет. Впрочем, чему удивляться? Кто бы ей сухари носил? Мать престарелая или сын-несмышлёныш?

А потом вдруг непроглядная темень отступит, и только было Таня возрадуется недавно обретённой (и вроде бы даже приличной) работе, как «приличная» богаделенка тут же накинётся. И снова поиски, и снова беготня, и снова бесконечные тошнотворные собеседования, которые уже давным-давно слились во что-то однообразно-серое, не имеющее ни формы, ни названия. Готовься-не готовься – всё без толку. Что-то да всё равно пойдёт не так. Как водится, на первом собеседовании менеджеры пообещают энное количество оценочных этапов, которые, словно полосу препятствий, нужно преодолеть, не устав, не измазавшись, а главное – не подорвавшись на фугасе, установленном чьей-то злой рукой.

Да! Таня в своих поисках работы воистину прошла путь Абая. И если верить в теорию о реинкарнации души, то в этой жизни наша героиня отработала карму на пятьдесят жизней вперёд, посему вышеобозначенное количество будущих воплощений должно сулить ей только радостные моменты, касающиеся способов зарабатывания денег.

А ведь когда-то Татьяна была юной и наивной. Она свято верила в некую особую особенность, присущую всякому работодателю. Ведь тот, кто принимает на работу, он как отец родной: ты ему труды свои праведные, а он тебе денежку. Ты ему время своё драгоценное, а он тебе – путёвочку бесплатную в санаторий, здоровьице поправить, чтобы впредь трудиться с ещё большей отдачей. Ты ему.. Да мало ли что ты ему? Факт в том, что «мяч», поданный тобой, всегда вернётся обратно. Ибо отношения между сотрудником и работодателем – это процесс, напоминающий игру в пинг-понг. Если однажды мячик не вернулся назад, то рано или поздно система обратится в прах.

Чем старше Таня становилась, тем больше понимания относительно работодателей в её голове появлялось. Теперь не все они ей виделись «отцами родными», и далеко не каждый заброшенный ею «мяч» возвращался. Бывали такие упыри, от воспоминаний о которых в жилах стыла кровь. Чего только стоил Иваныч, собственничек одной из контор, занимавшихся производством лакокрасочных изделий. До конца своих дней Таньке не забыть увиденного: технолога, сидящего на цепи на заднем дворе мини-заводика. Несчастливого в течение трёх дней пытались обратить в собаку за то, что тот по ошибке в чан с субстанцией, которая должна была стать краской небесно-голубого цвета, добавил пигмента больше положенного.

Да, пожалуй, на фоне Иваныча Степан Юрьевич выглядел настоящим душкой. Весь его грех сводился к тому, что он, ведя очередное совещание, так входил в роль, что напрочь забывался. Где он? Кто он? Зачем он? Вот так забудется всякий понедельник (день согласования планов на новую рабочую неделю) и всякую пятницу (день подведения итогов минувшей недели) и начнёт швырять в своих подчиненных ботинки да сапоги с термополиуретановой или тунитовой подошвой. Это вам не этиленвинилацетат, прилетит такой «плюхой» в ухо, мало не покажется. Но рабы, ой, простите, сотрудники обувной фабрики, где Танечка имела честь трудиться, привыкли и к этому. Степану Юрьевичу тоже, знаете ли, не позавидуешь, вон как с него шкуру филейным ножичком собственники соскабливают. Больно ему, вот он потом на простых смертных и отрывается.

За свою многолетнюю трудовую биографию чего и кого только Таня не повидала. Это раньше, читая текст вакансии, она в жизни бы не смогла понять, какого подвыверта ей придётся ожидать от будущего работодателя. Читала наша дура так, словно бы коза в афишу глядела: всё ей казалось чинным да благородным. Требуется тот-то, тот-то, задачи такие-разэтакие. Личностные качества: ориентация на результат, стрессоустойчивость и лояльность к компании. Ну что тут такого? В чём невидаль? Хм... всё нормально, сверхъестественное отсутствует!

Однако с тех самых пор, как Таня стала Татьяной Эдуардовной, многое в её жизни изменилось. Повзрослев и заматерев, обрастая опытом, она всё чаще и больше задумывалась над эфемерной субстанцией под названием «лояльность». И если со «стрессоустойчивостью» всё более или менее было ясно: тебя поливают помоям, а они с тебя стекают долой словно с гуся вода; если с «ориентацией на результат» вообще вопросов не возникало, то вот с лояльностью дела обстояли куда как хуже. Лояльность – это что? Лояльность – это где? Лояльность – это как? Каковы её пределы? А главное, в каком месте пространства она начинается и в каком имеет свой финал?

Изучая требования потенциальных работодателей, в каждой первой вакансии наша героиня видела одно и то же. Все жаждали её «лояльности», предлагая взамен: «заработную плату по договорённости, организованное рабочее место и бесплатный чай с печеньками». От подобной нескромности у Татьяны Эдуардовны начинал дергаться левый глазик и правая ножка. «С какого такого перепуга я должна быть к вам лояльной? – кипело всё внутри. – Я вас ещё совсем не знаю, а вы – меня!» Танина память тоже не дремала, услужливо подкидывая очередной сюжет из жанра «хоррор».

Вот она пришла в компанию «Жэ», куда требовался главный бухгалтер. Всё прекрасно, всё чудесно! «Жэ», занимающаяся проектированием зданий и сооружений первого и второго уровня сложности, на рынке четыре года. Бухгалтерский учёт ведётся. И ведёт его некая Инна Ивановна – душка и олицетворение самой богини Лакшми. Многорукое и многотрудное кроткое существо, тела своего не пожалевшее для любимого работодателя. Это благодаря ей, из ничего получился коллектив численностью в сто двадцать сотрудников. Это именно она, не смыкая глаз, по крупницам собирала редких специалистов, бывших на вес золота, организуя их переезд (и их семей) из республик бывшего СССР в Россию. Это она их адаптировала и мотивировала, была им и за маму, и за папу. Это она и бухгалтер, и кадровик, и менеджер по персоналу в одном флаконе. Поначалу картинка имела шикарный вид: собственники не могли на Инну нарадоваться. Не иначе – волшебница! Путём нехитрых пассов руками и утренних молитв всем существующим и некогда существовавшим богам, «Жэ», стараниями Инны прирастала в том числе и новыми клиентами. Апофеозом стал переезд в дорогущий (зато престижный!) бизнес-центр, расположенный в центре города. Всё свидетельствовало о бесконечности идиллии. Однако в один из дней Инна Ивановна сломала ногу. Причём не просто сломала, а сломала на работе. Да, да, в самом сердце города, запнувшись об один из проводов, беспорядочно валявшихся на полу. Штатного айтишника в «Жэ», знаете ли, не было (собственники экономили), а пришлому было глубоко фиолетово, кто и что может себе сломать, запнувшись за провода.

Так некстати случившаяся производственная травма заставила собственников (семейную пару) встрепенуться и даже побудила, стоя на полусогнутых, умолять своего единственного бухгалтера никуда не обращаться с жалобами. Ребята клятвенно пообещали развести беду руками, то бишь все «неприятности» решить за счёт средств компании. Инна Ивановна – добрая душа – и без того не собиралась жаловаться. А тут и вовсе растеклась: «Ну что вы, что вы! Не переживайте! Конечно, я никуда не пойду, да и денег мне от вас никаких не нужно! Ведь я так лояльна! Я и работу свою не брошу, я буду приходить строить ваше счастье на костылях...». И она действительно приходила. Каждое утро возле шикарного бизнес-центра останавливалась машина, из которой, пардон, нараскоряк выползала Инна Ивановна. Вцепившись дрожащими руками в костыли, она, как бессмертный пони, скакала на трёх работать работу, которая её ждала и в лес, увы, не убегала. Инна не могла бросить своих коллег, так от неё во всём зависевших. Месяц подходил к концу, следовательно нужно было закрывать табель, готовить приказы, считать заработную плату, налоги и ещё бог весть что делать. Если бы Инна, плюнув на всё слюной, не пришла, сотрудники не получили бы вовремя честно заработанные деньги, а если бы не получили, то их лояльность претерпела бы метаморфозы... Глядя в глаза Инне Ивановне, бойко скачущей на трёх копытцах – два из которых деревянные – один из собственников, словно заевшая пластинка, с придыханьем повторял:

– Инна-Инна, вы для нас, Самый Ценный Человек! Все эти люди, работающие здесь, появились благодаря вам! Что бы мы только без вас делали! Ах, если бы все также жертвенно относились к работе! Если бы все были такими же лояльными, как вы, мы смогли бы очень скоро спроектировать и построить нечто прекрасное, например, на другой планете!

По прошествии почти четырёх месяцев (перелом был со смещением) гипс был снят. Одномоментно со столь радостным событием в «Жэ» появилась Татьяна Эдуардовна, в общем-то тоже очень даже лояльная. Появилась она благодаря тому что собственники наконец созрели для позиции главного бухгалтера. Придя для получения джоб оффера (это предложение работы, которое получает сотрудник перед тем, как официально устроиться на работу), Танечка, как бы между прочим, уточнила для себя несколько моментов:

– Сколько сейчас в «Жэ» трудится бухгалтеров?

– Сейчас есть полтора бойца. Инна Ивановна – бухгалтер и кадровик в одном лице и девочка-студентка, которая на общественных началах приходит ей помогать.

– А почему вы Инне Ивановне не предложили стать главным?

– О, это тот самый случай, когда шапка не по Сеньке. И потом, нам нужна «свежая кровь». А Инну Ивановну давно пора того... Она ж анахронизм, пережиток прошлого. Впрочем, останется она или нет, решать исключительно вам, дорогая вы наша Татьяна Эдуардовна!

Да, так бывает: тех, кто стоит у истоков чего-то «великого» зачастую пускают в «расход», ведь они много видели, много слышали, а посему знают лишнее. Вдобавок – собственный ресурс уже давно выработали, несмотря на безграничную лояльность.

Увы, но долгосрочных отношений с «Жэ» у Тани не вышло. Она уволилась вслед за Инной Ивановной, пущенной собственниками «под нож», вопреки её категоричному: «Нет»! Логика Таниных рассуждений была проста: «Сегодня Инна, а завтра я. Тем более что провода до сих пор не убраны».

А потом на жизненном горизонте замаячила компания «Хэ». В ней Таня, невзирая на сильнейшее сопротивление, отпахала почти полтора года. Её коллегами были Костя и Олег. Первый – начальник отдела закупок, второй – главный мерчендайзер сети. Оба вполне себе лояльные, правда всяк на свой манер. Костя был лоялен до луковиц волос и кончиков ногтей на ногах. Когда собственник его помоил и размазывал словно последнее дерьмо при коллегах и подчинённых, он, покраснев, словно только что сваренный рачок, молчал, боясь лишний раздохнуть. Но стоило собственнику закрыть за собой дверь, всякий раз начиналось одно и то же:

– Да я этого вонючего козла...! Да пусть он мне только рискнёт ещё хоть раз такое сказать! Я вообще работу ищу и не собираюсь тут пахать за гроши! Вертел я этого мудака на одном месте!

Лояльность Олега была иного рода. Он ни разу и нигде не позволил себе дурно отзываться о человеке, в компании которого трудился. «Раз работаешь в фирме, то говорить что-либо непотребное о ней, как и о её руководстве – гадко и недостойно, – рассуждал он, – если что-то не нравится, то просто встань и уйди».

Именно так Олег и поступил, после того, как собственник перешёл границы дозволенного.

Однажды залетев в офис с письмом, пришедшим из Китая, хозяин жизни, сунулся было к одному столу, ко второму, к третьему (офис был организован в стиле Open Space), – никто китайского не знал, посему прочесть письмо не мог. Только в пятом или седьмом по счёту закутке вспомнили о том, что китайский знает Сверит Олег.

– Олег? Этот долба*б? – раздалось на всю «поляну».

Через десять минут Сверит был в кабинете собственника.

– Вы меня только что прилюдно оскорбили. Я требую, чтобы вы передо мной извинись. Извинились при всех. В противном случае, ноги моей больше здесь не будет.

Естественно, никто извиняться не стал. Небожитель не может себе позволить такую «пошлость», как извинения, тем более прилюдные. Совсем другое дело – оскорбления. Это таки да.

В тот раз Таня хорошо усвоила уроки лояльности, которая бывает разной. Тогда на «поляне» народ ещё долго шептался, не разумея главного: «И чего только Олег взбрыкнул? Подумаешь, долба*бом обозвали. Вот прям удивление! Да, собственник у нас говно! Так и что?! Костю вон вообще в должности понизили и ничего, смиренно продолжает работать, хоть и гундит постоянно».

А потом была компания «Гэ», в которой за четыре с небольшим года всё наконец-то в Танькиной голове встало на свои места. Нынче, просматривая вакансии, она въедалась не то чтобы во всякое слово, но во всякую букву. Славная парочка требований: «Стрессоустойчивость и лояльность» вводили нашу героиню в состояние кататонии и было от чего. Вышеуказанная компания окончательно подлечила Таню от многих печалей и мрий (мрія – мечта, в переводе с украинского). Её картина мира была расширена до пределов невозможного, а дремавшие гештальтики бесповоротно разбужены.

А как всё начиналось... О! Как всё начиналось! В кои-то веки Татьяна Эдуардовна решила, что ей повезло. Мол, всё, выстрадала! Наконец-то чёрная полоса осталась позади! Вот она многообещающая отличная работа! Вот она новая жизнь, в которой больше нет места хронической беготне за куском хлеба, нет места доказыванию того, что ты человек, а не никчемное существо и тоже имеешь право на жизнь. Но опять всё пошло не так.

Два собственника, знавшие друг друга едва ли не с пелёнок, набив массу шишек, решили дать себе последний шанс. Ну, действительно, не идти же им в найм к какому-нибудь дяде, имея за спиной столь богатый (пусть и негативный) опыт предпринимательской деятельности. Отчего не рискнуть ещё раз? Последний раз? Рискнули. На открытие нескольких магазинов строительных материалов привлекли заёмные средства. Банк, кривясь и ломаясь, всё же выделил необходимую сумму, правда, под конский процент. Ну что ж, как говорится, побежали! Месяц бегут. Другой. Третий. Бегут полгода. Год. Кредит не уменьшается. Доходы равны нулю. От детской дружбы остались одни воспоминания.

И вот тут-то кому-то из теперь уже бывших друзей в голову приходит восхитительная идея: прекратить, словно тряпку, рвать магазины на части, а вместо этого найти толкового наёмного директора, который бы смог вытащить бизнес из пропасти, в которой тот оказался. Искали довольно долго, но нашли. Найденное превзошло все самые смелые ожидания.

Константин Николаевич Кривцов, приглашённый из другого города, явился для «Гэ» той самой спасительной палочкой, без которой друзья детства никогда в жизни не смогли бы уже подняться с колен. День за днём, месяц за месяцем Константин, отлаживал бизнес-процессы, вникая во всякую деталь, въедаясь в каждого человека, поначалу многое делая своими руками. В итоге, через полтора года кредиты были погашены. А ещё через восемнадцать месяцев магазины стали приносить такие прибыли, что теперь собственникам оставаться в России было как бы даже не к лицу. Недолго думая, один из них укатил в Тайланд, а другой в Европу. Наведывались они теперь в «немытую» примерно раз в квартал (а то и реже) исключительно для проформы.

Придя в «Гэ», Кривцов первым делом собрал «боевую» команду, без которой сдвинуть дело с мёртвой точки не представлялось бы возможным. «Бойцы», среди коих оказалась и наша Татьяна, были как на подбор: активные, радеющие на общее дело, и, конечно же, высококолябельные. Нужно остаться после восемнадцати ноль-ноль? Без проблем! Требуется выйти и поработать в выходные дни? Конечно, какие могут быть вопросы?! Нужно потерпеть и ещё пару месяцев пожить без премии, затянув пояса? Ну, а куда деваться, ведь того требуют обстоятельства! Тем более что всё идёт к тому, что совсем скоро «Гэ» станет настоящим эдемским островком, где жить возжелает всякий.

Впрочем, «эдемский островок» и в правду случился! Другой вопрос, что просуществовал он считанные месяцы. Конкуренты и иного рода «доброхоты», словно стервятники, почуяв запад плоти, стали клевать «Гэ» со всех сторон. Открыто была объявлена Большая Война, не предусматривающая каких бы то ни было правил. С каждым днём тучи сгущались, а небо становилось всё ближе. Кривцова долбили по всем фронтам, начиная с бесконечных проверок надзирающих органов и заканчивая ничем не прикрытыми угрозами физической расправы. Запугиваниям Константин не придавал серьёзного значения, возможно оттого, что по природе своей он был не из робкого десятка, и подобные экзерсисы его только раззадоривали. Зато ребята из его команды, имевшие стержень послабее, потихоньку «сливались».

Костлявая рука судьбы опустила «занавес» в конце февраля. Ранним утром, выйдя из дома, Кривцов получил несколько ножевых ранений. Обнаружили его довольно быстро, хотя и случайно, данное обстоятельство и спасло ему впоследствии жизнь, несколько дней висевшую на волоске. Кровавое событие произвело на персонал компании самое тягостное впечатление.

Представителями правопорядка было возбуждено уголовное дело по 111 статье УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Затаив дыхание, те немногие оставшиеся «в живых» ТОП-менеджеры с нетерпением ждали, когда же восторжествует справедливость и головы «доброжелателей» будут выявлены и под бурные аплодисменты сброшены с плеч долой. В середине апреля прилетел «европейский» собственник. Его визит вселял надежду на то, что дело, связанное с нападением на Кривцова, наконец-то сдвинется с мёртвой точки.

Наша героиня разрывалась между работой, домом и больницей. Нужно было что-то делать. Нужно было подключать все ресурсы. Нужно было искать помощи у друзей и знакомых. Нужно было спасать компанию. Нужно было достучаться до небес – обители собственников. Нужно было, нужно было... Нужно было делать хотя бы что-то. И Танька делала всё от неё зависящее, ведь ей так хотелось, чтобы справедливость восторжествовала, ей хотелось, чтобы всё вернулось на круги своя, чтобы Кривцов снова оказался в строю, а ей бы не пришлось опять искать работу....

Сколь бы много надежд на собственников не возлагалось, совсем скоро стало очевидно следующее. Никому Кривцов не нужен. И то, что теперь он валяется в больнице, это сугубо его личные проблемы. Да, есть Кривцов и есть компания «Гэ», но между ними целая пропасть.

– С чего вы, Татьяна Эдуардовна, решили, что нападение на генерального связано с деятельностью нашей компании? Я недавно говорил со следователем, у меня другая информация.

– Но...

– Не нужно мешать мух с котлетами. Хорошо?

– Но как же так? Ведь вы, как и все вокруг, знали, что Кривцову в последнее время приходили угрозы, вы знали, что это связано с бизнесом и только с ним!

– Татьяна Эдуардовна...

– Подождите, даже если только на минуточку предположить, что покушение на него не связано с компанией, как вы сейчас утверждаете, то всё равно чисто по-человечески его нельзя бросать в такой ситуации. Ведь он столько сделал для «ГЭ», ну не вам же про это рассказывать! У вас такие связи, у вас такие возможности, мы все вас просим, пожалуйста, подключите свои резервы, пусть найдут и накажут тех, кто это сотворил! Ну ведь вам ничего не стоит это сделать! Дело закрыли, никого не нашли, а человек теперь калекой, возможно, останется. Мы просим вас...

– Татьяна Эдуардовна, Таня, – откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, молвил «европеец», – я предлагаю вам мысленно подняться на пару уровней выше и посмотреть на случившееся под иным углом. Если с человеком происходит нечто подобное, это может говорить только об одном...

– О чём же? – спросила Таня, превратившись в одно большое ухо.

– Это говорит о том, что его карма нечиста. Константин где-то нагрешил. Вот за это Высшие Силы ему урок и преподнесли. От меня-то вы чего хотите? Я не бог, я не царь, я такой же смертный, как и вы, точно так же ходящий под кармой.

В ноябре «ГЭ» ушла с молотка. Июнь ознаменовался выходом Кривцова из больницы и его возвращением в родные пенаты. А Таня снова бегала по городу в поисках новой работы. Её ждали новые собеседования, заполнение анкет, выполнение кейсовых заданий и прохождение электронных тестов на время. И снова: «В случае положительного ответа, мы вам перезвоним».

По-настоящему хорошего специалиста, отработавшего на позиции главного бухгалтера в общей сложности порядка десяти лет, никуда не брали. И тому было вполне логичное объяснение. Татьяна Эдуардовна очень часто меняла место работы. О чём это могло говорить? Ну, как минимум о том, что она нестабильна и имеет большие проблемы с лояльностью. А лояльность, как известно – наше всё и даже больше! Всяк, ищущий сотрудника, страдает её уже на входе и требует, чтобы его уважали и любили по умолчанию. Просто так, ни за что, а зачастую – вопреки! Всяк, в компанию входящий, обязан позабыть о чувстве собственного достоинства – архаичном пережитке – если хочет, чтобы его называли «лояльным», впрочем, и эта добродетель сегодня, увы, ничего уже не гарантирует.

– Вот же ублюдки! Опять им три лопаты лояльности подавай! Социалки нет, зарплата «по договорённости», печенки и стол со стулом! И это всё, на что они способны! – бунтовала Таня, общаясь к очередному тексту вакансии.

Шуршали месяцы. Давно отзвучали весенние капли, на горизонте маячила новая осень. Татьяна Эдуардовна, не желавшая прощаться с остатками собственных иллюзий, упорно изучала «перлы» работодателей. Правда, теперь она смотрела всё подряд, с единственной оговоркой: лишь бы от неё не требовали быть лояльной и не желали испытывать порог её стресса в первый рабочий день. С остальным она готова была жить. Дааа... а ведь ещё совсем недавно ей казалось, что карму свою она избыла до самого доньшка, конечно, не столь радикальным способом, как Кривцов, но всё же. Ан нет, воз и ныне пребывал на старом месте. И всё же Татьяна с упорством осла стоически искала Того Единственного работодателя, который вернёт назад брошенный ею «мячик». Вернёт ли?

Одиннадцатая заповедь

Примерно полгода назад Марина Райс заметила: чем громче и чаще человек бьёт себя пяткой в грудь, заявляя о том, какой он порядочный, тем большим дерьмом он в итоге оказывается. А вот Антон Павлович Коморцев, переступая порог компании «Пис Дата» ни о чём таком не думал и опыта, подобного Марининому, ещё не имел. Однако жизнь непредсказуема. Сегодня опыта нет, а завтра его складывать некуда.

Оказавшись в богато убранной, хотя и скудно освещённой приемной генерального директора вышеобозначенной строительной компании, наш герой не смог не удивиться обилию плакатов, украшавших стены. «Ух ты! – не удержавшись, тихонько присвистнул Коморцев. – Смотри-кась, сколько лозунгов! С советского прошлого поди ещё остались?»

– Ну что вы, это всё день сегодняшней. Это наши заповеди, мы по ним работаем, мы по ним живём. Вы, кстати, пока ожидаете приглашения, можете тоже приобщиться, – промурлыкала секретарша.

– Я? А, ну так да! Конечно, я тоже приобщусь.

Водрузив на мясистый нос очки, Антон Павлович хотел было «приобщиться» в ту же секунду, да не смог.

– Ой, а огоньку можно немного поддать? Плоховато вижу, извините.

– Конечно-конечно!

Вслед за «конечно» в приёмной вспыхнули десятки огоньков, бесследно растворивших в себе богатство интерьера. При ярком свете директорский «предбанник», стены коего были изуродованы лозунгами, заиграл новыми нелепо-несуразными красками. Впрочем, при близком изучении выяснилось, что никакие это не лозунги, а библейские заповеди, адаптированные под требу дня сегодняшнего.

Первая (а всего их было ровно десять, Антон Павлович их специально пересчитал) заповедь гласила:

«Работник, помни, что только Господь Бог является источником всех земных благ. Стремись к Небу, стремись к Богу при жизни, чтобы получить вечную жизнь и после смерти своей».

«О как, – прочтя «плакат», многозначительно подытожил Коморцев, поднимая левую бровь.

Во второй и последующих заповедях речь шла о бренности бытия, о тяжести грехов наших и необходимости почитания не только боженьки, но и начальника своего. Впрочем, судите сами:

«Сильная привязанность к каким-либо мирским делам, любое твоё увлечение, ставшее страстью – есть большой грех»!

«Работник, знаю, что Имя Господа Бога нашего есть Святая Святых! Не произноси его всуе, просто так, ибо это великий грех»!

«Шесть дней Господь велел посвящать трудам праведным, а седьмой день – Воскресный, он подобен малой Пасхе – потратить на почитание Господа Нашего и на отдых. Так ты сможешь сделать гораздо больше тех, кто прозябает в праздности».

«Работник, помни, что ты должен чтить не только родителей своих, но и начальника своего. Уважай и проявляй послушание своё, помогай и заботься о нём, молись об его здравии и спасении, так получишь ты награду и в Царствии Небесном, и на грешной земле».

«Работник, помни, что оскорбления, ненависть, гнев, злословие, злопамятство, зложелательство, проклятия и непощение обид руководству компании „Пис Дата“, а также любой вред, нанесенный компании „Пис Дата“, – все это грехи против заповеди „не убий“».

«Работник, не забывай, что всякая попытка похитить радость и доверие, которые предполагает трудовой союз, – тягчайший грех, который, лишает человека Царства Божия».

«Работник, помни, что присвоение собственности компании „Пис Дата“, любые виды воровства, подкуп, взяточничество, уклонение от работы, а кроме этого ложь, лицемерие, подхалимство – есть величайший из грехов».

«Работник, всегда помни о грехе праздности и празднословия. Нет ничего хуже пересудов и сплетен, нет ничего хуже клеветы и наветов на руководителя своего. Держи язык свой (первейшего врага своего) за зубами и тогда попадёшь в Царствие Божие».

«Раб божий, не ропщи! Отринь мысли греховные, не завидуй имуществу руководителя компании „Пис Дата“ и деньгам его, ибо мысли эти порождают в сердце помыслы украсть добро у брата своего. Помни, что зависть убивает в тебе любовь к Господу Богу нашему и словно ржа разъедает твою душу».

«Вот это даааа... Первый раз вижу подобное, – прошептал Антон Павлович, вытирая носовым платком лоб, покрывшийся испариной. – Дааа, хорошо было б в такую компанию попасть ...Кругом благочестие, богобоязнь, а это хорошооо...».

Что ж, как мне кажется, самое время немного рассказать о нашем герое, прибывшем рано утром в миллионник R-ск из небольшого провинциального городка, расположенного в самом сердце Сибири. Приезду главного инженера Коморцева предшествовало увольнение господина Иванова и приглашение, которое Марина Райс (менеджер по персоналу) прислала ему вместе с железнодорожным билетом от лица генерального директора и собственника (в одном лице) компании «Пис Дата». Антона Павловича призвали на финальную теперь уже личную встречу, которая (если пройдёт благополучно) обещала закончиться его утверждением на должность главного инженера.

Предыдущий «главный», отработавший в «Пис Дате» около года и побивший все рекорды долгожительств, был объявлен мракобесом и изгнан с позором. Причиной радикального решения стало нарушение той самой заповеди, кажется, девятой, в которой говорилось о целесообразности контроля собственного языка. Увы, но язык главного инженера Иванова в самом конце совещания, возглавляемого Сергеем Петровичем Мураковым (собственником компании), словно конский хвост, пытавшийся отогнать навязчивых осенних мух, дал лишку.

– Коллеги, а мы с моим соседом по даче Константин Степанычем вот уже третьи выходные подряд такую великолепную ушницу из свежепойманной рыбки организовываем, ммм... пальчики оближешь! Моя уже почти как месяц на учёбе в Питере, так я свободен, словно пташка в небе, – радостно сообщил Иванов.

– На учебе? В Питере? Ты мне ничего про это не говорил, да и про рыбалку тоже. Чего меня не позвал? – тут же отреагировал Мураков.

– Дааа, ну как-то не знаю, – растерялся Иванов, мгновенно покраснев словно рак, – простите меня грешного, Сергей Петрович. Я и не ведал, что вы тоже рыбалку уважаете.

– Я не уважаю, но с удочкой в руках на благодатной природе всегда побыть благостно. Зови меня в другой раз. А жена на кого учиться поехала?

– Да, она школу астрологии заканчивает. Последний модуль остался, и экзамен будет ско..., – не закончив фразы, запнулся Иванов.

Метаморфоза, запечатлевшаяся на лице генерального, заставила язык главного инженера окаменеть. А в голове его больно щёлкнуло: «Ё.. жеж! Да как жеж»!

Мураков не просто отрицательно относился ко всякого рода гадалкам, экстрасенсам и астрологам – будь его воля, он лично бы возглавил комитет по делам Инквизиции, открыв новый сезон демонстративным сожжением сотни-другой «нечестивой падали». При упоминании о целителях, астрологах, просвещённых и предсказателях у главы «Пис Даты» начинались припадки, перетекавшие в многочасовые конвульсии.

Сказать что-либо в своё оправдание, как и в оправдание великой грешницы жены, Иванову возможности не дали. Выдворение из эдема состоялось в тот же час под громогласные «песнопения» главного поборника заповедей Христовых. Сергей Петрович Мураков, раскалённый добела, ещё долго после столь «нечестивого инцидента» разговаривал со всеми без исключения сотрудниками на языке «матери», обещая им «гиену огненную» уже при жизни.

Стоит сказать, что подобное положение вещей ровным счётом никого не смущало. О том, что из себя представляет господин Мураков, знала едва ли не большая часть города, по крайней мере, та её часть, которая, так или иначе соприкасалась со строительным рынком. Репутация компании была не просто подмоченной, она отсутствовала как таковая. Местный соискатель, заслышав заветное «Пис Дата», тут же откланивался уже на стадии телефонного интервью. Редкая «птица» долетала до личной встречи с Мариной, не говоря о большем. Количество открытых вакансий росло в геометрической прогрессии. Не то чтобы соискателей пугала шестидневная рабочая неделя с двенадцатичасовым графиком (для офисного персонала). Не то чтобы их не радовала возможность получить пинка под зад или просто в глаз (в буквальном смысле этого слова), например, летающим гранёным стаканом. Не то чтобы их удручал тот момент, что всякий рабочий день начинался с пения Псалмов. И, наконец, не подумайте, что им претило всякий раз снимать с себя обувь, переступая кабинет собственника – Представитель Господа Бога Нашего требовал всяк входящего к нему обнажать ноги, видя в этом знак наивысшего почтения. Нет! Нет и ещё раз нет! Однако всё вышеуказанное вкупе давало странный эффект. «Пис Дату», словно гнездилище бесов, старались обходить тридесатой дорогой, и только иногородним дурачкам закон был не писан. Они, словно мотыльки, летели на огонёк стайками и по одному.

Ровно таким же образом «прилетел» по осени и Коморцев. В свои почти шестьдесят ему даже в голову не приходила мысль накануне поездки заглянуть, например, в интернет, который буквально разрывало от негативных отзывов бывших сотрудников компании. Не подумал он и о том, чтобы просто навести справки о потенциальном работодателе по своим знакомцам. Вопросы типа: «Куда и зачем я еду»? А также: «Чем это может по итогу обернуться»? – головушку главного инженера не особо грели. Начав на подобные пустячки с высокой колокольни Антон Павлович с низкого старта был готов сразу же перейти в галоп.

Впрочем, не спешите думать, что Коморцев был от природы глуп или – что ещё хуже – у него началась деменция. Нет, дело совсем не в этом. Его беспечность можно было понять. Во-первых, приличной работы в родном городе нашего героя не было. Во-вторых, пригласить на руководящую должность пятидесятилетнего специалиста пусть и с действительно достойным опытом работы, но приличным разрывом в стаже, мало кто решался, полагая, что от такой клячи «выхлопа» будет мало. Ну и, наконец, в-третьих, сам Коморцев, как ему казалось, был человеком «с претензией к жизни». Что попало его не устраивало.

Проговорив с Мураковым, который оказался ровесником Антона Павловича, битых пять часов (собственник обожал растекаться мыслью по древу), ударили по рукам. Сошлись на том, что ценный соискатель получил должность главного инженера с вполне конкурентной заработной платой, а также съёмную квартиру, которая будет оплачиваться из кармана «Пис Даты». Через несколько дней Коморцев приступил к должности, заехав в съёмное жильё.

Пара первых недель прошла как по маслу. Антон Павлович, расправив широкие плечи, ощутил прилив сил и был готов своротить цельный горный массив. Работу он знал, стройку любил, заслужить авторитет и уважение коллег и руководства с его-то опытом и челове-

скими качествами было делом плёвым, однако, «авторитета» не случилось. Вспышка на Солнце и затмение в голове Муракова совпали в тысячный раз.

Раздача «пряников» стройбанам (как сам Сергей Петрович их называл) началась... Впрочем, какая теперь разница, с чего она началась?! Разве для того, чтобы кого-то «осчастливить», оставив без куска хлеба, требуется веская причина? Ещё старик Крылов заметил: «У сильного всегда бессильный виноват», с тех пор к сказанному никто ничего нового добавить не смог. Так вот, фокус в том, что феерическое действо с раздачей «сдобы» завершилось увольнением главного инженера, когда тот попытался вставить свои «пять копеек» в защиту работяг. Властелин «Пис Даты» на молекулярном уровне не выносил пререканий. Любые потуги сотрудников компании укрыться от летящих на них ударов вызывали в Муракове ещё большую ярость и желание всех порвать-растоптать-развеять. Дрыгая короткими толстыми ножками, Сергей Петрович визжал, как недобитый кабанчик, заливая стройку ядовитой слюной.

У бедняги Коморцева не было ни единого шанса «выжить», Впрочем, как и переночевать ещё раз в специально снятой для него квартирке. Дальнейшее было как в поговорке про икоту, которая с Федота перешла на Якова, а потом и вовсе перекинулась на всякого. Гнев собственника, изначально адресованный «стройбанам», мгновенно изменив траекторию движения, устремился к главному инженеру в тот самый миг, когда он решил выступить в роли правозащитника.

– А ты, га*донище вонючее, вообще заткнись! Быстро вернул ключи! Ключи на бочку! – взвизгивая, подпрыгивал Мураков.

В желании побережь ваши уши, глаза и нервы не стану приводить полный текст спича собственника, завершившийся, кстати сказать, изрядной потасовкой, случившейся, как вы и сами уже, наверное, догадались, из-за ключей от съёмной квартиры. В итоге вечером того же дня «ключик от заветной дверцы» оказался в руках Марины Райх. Именно ей Самим (!) было поручено выселить новоиспечённого господина главного инженера «вон из квартиры».

– Пожалуйста, пожалуйста, Антон Павлович, простите меня! Ради бога, простите, что я вас в ночь вот так выгоняю на улицу! Это не я! Поверьте, не я! Это распоряжение Сергея Петровича, – оправдывалась она, переминаясь с ноги на ногу, пока Коморцев паковался. – Я не могу вас оставить в квартире, честное слово. Мне ключи сегодня же нужно вернуть Сергею Петровичу. Лично. Это его распоряжение.

– Даа, Мариночка, чего уж там, – сказал Коморцев на прощание, отчаливая на железнодорожный вокзал, где ему предстояло куковать до десяти утра (именно в это время отправлялся ближайший поезд в его родные пенаты).

Распоряжение собственника «Пис Даты» было Мариной выполнено предельно точно. В двадцать один ноль-ноль она вручала ключи от «апартаментов» Сергею Петровичу.

– Давай, ищи заново нового инженера! – на прощание бросил тот, растворившись в ночной ноябрьской темноте.

Легко сказать: «Ищи»! А как его искать, а главное – ГДЕ, если рынок кандидатов уже рыт-перерыт на сто раз? Из Хакасии привозили? Привозили! С Дальнего Востока привозили? Привозили! Местные все плюются и матом посылают! Из Москвы или Питера ехать в эту Тмутаракань желающих нет. У них своих Наместничков хватает. И что делать – не понятно...

Терпению Марины Райс, работавшей в «Пис Дате» уже добрых семь месяцев, завидовали многие. Во-первых, было неясно, как она выносит этот дичайший график работы: двенадцать, а то и тринадцать часов с единственным выходным – это не шутки! Во-вторых, удивляло её поистине стоическое терпение: сколь бы громко на неё не орали, чем бы в неё не бросали, каких бы звёзд с неба не требовали – всё и вся она сносила спокойно, словно бы была глухонемой. Некоторые офисные сотрудники буквально в глаза ей говорили:

– Мариш, ты прям терпила какая-то! Чего ты за «Пис Дату» держишься? Ладно мы... У нас с Сергеем Петровичем дорожки практически не пересекаются, он к нам в отдел почти

не заходит. Тьфу, тьфу, тьфу! А ты с ним постоянно на связи. Уже давно бы всё послала к чёртовой матери и нашла себе нормальную работу. Специалист ты хороший, тебя с руками и ногами оторвут! А ты терпишь....

Но Марина терпела. Зубы крошились, а она терпела. Прежде всего потому, что обещала Юлии Сергеевне (начальнику юридического отдела), которая её и пригласила в компанию, что отработает в «Пис Дате» хотя бы год. Юлия сразу говорила, что дела в компании, с точки зрения корпоративной культуры, идут «так себе». Не скрывала она и того, что вот уже два года, как не могут найти директора по персоналу, который бы пришёл и «развёл беду руками». В общем, многое из того, что теперь происходило, Марина знала заранее, пусть и в теории. Хотя, конечно, «теория» и «практика», в массе своей, есть суть вещи разные.

Был ещё ряд моментов, почему Райс уходу предпочитала «съедать себе зубы». Их также нельзя не обозначить. Мураков, отдать ему должное, сотрудникам всегда платил хорошо и вовремя. Зарплата в «Пис Дате» была в среднем на двадцать – тридцать процентов выше той, что предлагал рынок труда. Данный момент для Марины был очень даже критичен. К тому же офис компании находился в десяти минутах езды от дома, что ей было на руку, особенно после недавнего развода, проходившего по жёсткому сценарию. Несовершеннолетний сын вроде бы как находился под присмотром, хотя по факту Райс не могла и на минуту вырваться из офиса, за исключением обеденного перерыва. Именно это «окно» и было той решающей отдушиной, которая определяла Маринину логику: «Могу в обед проконтролировать ребёнка». В то же самое время тот факт, что она вместо положенных шести или семи вечера едва живая приползала домой в девять, а порой и десять, когда сын уже лежал в постели, её мозгом напрочь игнорировался.

Ну и, конечно, не стоит забывать о Юлии Сергеевне – злом гении, который свою порцию масла в огонь всегда плескал вовремя. Как только у Марины на глаза наворачивались слёзы, та её тут же брала «на слабо».

– Я не знала, что ты такая хилая и бесхребетная! Не намного же тебя хватило! – напустив на лицо максимальное презрение, вещала она. – Я в таком режиме работаю уже девять лет. И ничего! Живая! Да если бы не Сергей Петрович, я бы в жизни не смогла купить себе квартиру и машину! Да он мне как отец родной! Ну вот куда, скажи, куда ты сейчас пойдёшь? Ты думаешь, в других компаниях лучше? Да сейчас везде одно и то же, только там ещё и денег не увидишь. К тому же я тебе обрисовывала здешние перспективы: ты должна доказать Сергею Петровичу, сколь ты предана ему и его делу. У нас нет директора по персоналу, и у тебя есть все шансы им стать. Прийти на эту позицию с улицы и остаться в компании надолго шансов мало, а вот у тебя они есть! Тебе просто нужно доказать свою преданность, и Сергей Петрович тебе сам всё предложит! Это дело времени.

Перспективы карьерного роста всегда щекотали Марине нервишки, да и деньги для неё были, как никогда, критичны. Бывший супруг требовал половину стоимости квартиры, в которой она проживала с сыном. Деньги нужно было отдать в оговоренные сроки. Вот, закусив удила, она и терпела всё это «царствие божие». И кто знает, быть может, всё бы и дальше шло точно так же, как в предыдущие семь месяцев, не случись два события. События, по сути своей маленькие, однако перевернувшие всё с ног на голову. Или, напротив, – с головы на ноги, это уж как вы сами решите.

Так вот, благодаря наложению двух пустяковых, казалось бы, событий, о которых я вам сейчас поведаю, всё и случилось.

У Марины заболел сын. А у Сергея Петровича грянуло новое «затмение» или «вспышка» – кто его разберёт. В тот самый момент, когда Райс открыла рот, чтобы отпроситься у Юлии Сергеевны в больницу, рация, стоящая на её столе, (в компании «Пис Дата» все пользовались портативной рацией) задребезжала и грозный голос собственника, громогласно потребовал:

– Марина, немедленно зайди ко мне!

Позабыв обо всём, она последовала зову.

– Я вот что решил. Ты давай позвони этому, как его, который был последним главным инженером...

– Коморцеву? Антону Павловичу?

– Да, ему! Скажи ему, пусть выходит к нам в «Пис Дату». Я его назад беру. Денег ему предложи к тому, что у него было, ещё полтишок.

– Хорошо, сейчас позвоню и предложу.

Зашнуровывая ботинки у кабинета собственника, Марина буквально охреневала от услышанного. Неужели Мураков и вправду думает, что после того прилюдного унижения, которое перенёс Коморцев, этот взрослый самодостаточный дядька с седой головой и вправду согласится вернуться назад?! Да это нонсенс! Тут же Райс зачем-то в голову пришла «байка», недавно рассказанная ей сотрудниками, которая на поверку оказалась совсем даже не байкой, а самой настоящей былью. Ещё до прихода Марины случилось так, что один из «экс – главных», привезённых откуда-то с «восточной стороны», не стал выслушивать матерные «проповеди» Сергея Петровича. Вместо этого он сам обложил собственника «пятиэтажками», подкрепив свои слова стулом, пущенным в лицо наместнику божию. Муракова подобная экспрессия впечатлила настолько, что несколько недель подряд после «стула» он прыгал на глотке Юлии Сергеевны, требуя, чтобы та «немедленно связалась с нахалом» и предложила ему вернуться назад.

– Юля, скажи ему, что я буду платить ему в три раза больше! Не хочет разговаривать? Как это не хочет?! Позвони и скажи этому нахалу, что я буду платить ему в пять раз больше от того, что я ему изначально обещал! Бросил трубку? Звони ему ещё! И ещё, и ещё! Пусть возвращается!

Одержимость, с которой Сергей Петрович стремился вернуть «нахала» обратно, объяснялась очень просто. Для него сама мысль о том, что кто-то посмел его послать, была несовместима с жизнью. Всегда и во всём, буквально с самого детства, последний харчок значился за Серёженькой.

«Вот вернётся, отработает пару часов, и я его вышвырну за шкуру, как бешеную собаку! Пинками выбью отсюда! – успокаивал себя собственник «Пис Даты». – И деньги ему вслед швырну!

Однако презренный нахал не вернулся...

Обуываясь, Марина ломала мозг, не зная, как ей выстроить беседу с Коморцевым так, чтобы её саму не послали в дали светлые.

Сколь не были бы сильны её переживания, а приказ нужно было выполнять. Глубоко вдохнув, она набрала экс-главного инженера.

– Да, слушаю, – раздалось на том конце провода.

– Это Марина. Марина из компании «Пис Дата», – неуверенным голосом произнесла она, ожидая матов и проклятий в свой адрес, однако ничего подобного не произошло.

– Ааа, Мариночка! Рад, рад! Что заставило?

– Я... Мне.. Антон Павлович, я звоню по поручению Сергея Петровича. Тут такое дело... Вы знаете, он просил вам передать, что... Что он погорячился, – придумав на ходу, скорее в своё оправдание, вылепила она. – Антон Павлович, в общем ситуация такая, что мы опять хотим вас пригласить в нашу компанию на работу.

Произнеся «главное», Райс даже зажмурилась. «Вот! Вот сейчас начнётся, – загудело у неё в ушах». Но ничего, как ни странно, не началось. Ничего не случилось.

– Хорошо, Мариночка, я вас понял. Когда мне выходить? И на каких условиях?

– Что?

– Выходить, говорю, мне когда? И условия какие в этот раз будут? У моего сына кредит. Помочь хочу детям. Вот. Мне нужно понимать, какие будут условия.

– Я всё узнаю и вам перезвоню, – оглушённая услышанным, пообещала Райс.

Остаток дня прошёл в беготне, перезвонах, решении вопросов, связанных с поиском новой квартиры для Коморцева и прочих трудовых «прелестях». Буквально чудом, увидев, что начальник юр. отдела собирается уходить (часы уже давно показывали начало десятого), Марина вспомнила, что она до сих пор не согласовала свой завтрашний поход к врагу с непосредственным руководителем.

– Юлия Сергеевна, извините, я совсем забыла, мне нужно завтра в первой половине дня отлучиться.

– Отлучиться? – удивилась «приёмная дочь» Муракова.

– Да. У меня сын заболел. И мне нужно показать его врачу. Очередь на десять утра.

– Ну, хорошо, отлучись. Только не забудь написать заявление на отпуск без содержания.

– Что? Какое заявление? – не понимая сути прозвучавшего, переспросила Райс.

– Без содержания. Тебя же не будет как минимум часа два, а то и три. Ты что, собираешься решать свои проблемы за счёт компании «Пис Дата»? За то время, пока ты будешь заниматься своими делами, зарплату ты не получишь. Марина, какие проблемы? Ты сама знаешь наши порядки. Пиши заявление, я завтра с утра его подпишу. С утра-то ты всё равно будешь. Тебе в семь нужно проводить инструктаж по технике безопасности на стройке. Подойдёшь с заявлением завтра, я подпишу, – повторила Юлия Сергеевна и была такова.

С минуту Марина стояла молча, затаив дыхание, а потом в её глазах резко потемнело. «Вот тварь! Подлая сука и тварь! Такая же тварь, как все эти одноклеточные пресмыкающиеся! Их убивают, а они спрашивают: „Вам как удобнее чтобы я голову на плаху положил: левой стороной или всё же правой?!“ Мрази! Ненавижу! Мерзкие твариинии!»

Не видя ничего за пеленой обжигающих слёз, Райс налетела на соседний пустовавший стол, предназначавшийся для директора по персоналу. От удара на пол свалились лотки с бумагами и подставка с канцелярскими принадлежностями. Разноцветные папки, карандаши, ручки и прочая мелочь разлетелись в разные стороны.

«А и чёрт с ними! Пусть валяются! Шило? Графики? Ничего не буду поднимать! – завывала Марина. – Всё! Всё, с меня довольно! Как проклятая пахала... Как последняя, последняя тупая овца! Да у меня месяц переработок! Месяц!!! И я должна писать заявление на бс? Да вот хрен тебе, тварь! Выкуси! За счёт „Пис Даты“ я решила пожить? Разорить вас решила?! Подстилка же ты мураковская! Такая же гнида, как и он! Ноги моей больше... Мраааази! Хорошо, что в трудовую книжку себе до сих пор печать не поставила... сердцем чуяла».

В тот самый миг, когда Антон Павлович Коморцев, заходя на второй круг, тщательно укладывал рубашки в свой походный чемодан, предназначенный для дальних и долгих поездок, Марина, не снимая ботинок, стояла на мягком стуле, находившемся в пустынной приёмной Муракова. В её руках было шило.

Утром следующего дня секретарша, не любившая «больших огней», делавших её морщины более заметными, по просьбе собравшихся в «предбаннике» коллег, ожидавших начало совещания, всё же соизволила включить «нормальный свет». Тут-то и обнаружилась «одинадцатая заповедь», выцарапанная на стене.

Утро бывшего менеджера по персоналу строительной компании «Пис Дата» было вполне умиротворённым. Врач, выписав лекарство, сказал, что они обратились вовремя, а значит, совсем скоро сынок поправится, осложнений быть не должно. Единственный момент, омрачавший жизнь Марины в то утро, состоял в том, что она, хоть убей, не могла вспомнить, как именно она выцарапала:

«Рабы немы»

или

«Рабы не мы».

И до того этот вопрос её занимал, что прям хоть возвращайся и смотри.
А вот каким было утро Антона Павловича Каморцева, увы, я не знаю.

Вы никогда не пожалеете

При Ольге Викторовне Бобровой Надя «мутить воду» боялась. С таким руководителем особо не подуришь – вмиг получишь по башке, а то и вовсе её лишишься. К тому же было вроде бы как неудобно, ведь придя по весне на собеседование на позицию менеджера по подбору персонала, Надежда Шмаль с полными слёз глазами умоляла:

– Возьмите меня на работу, очень вас прошу. Да, у меня совсем нет профильного опыта, но поверьте, я очень быстро всему обучусь и вы никогда не пожалеете о том, что взяли именно меня.

Ольге Викторовне, сказать по правде, выбирать особо было не из кого. Проектный институт предлагал весьма скромное вознаграждение, желающих работать за такие деньги было между «мало» и «очень мало». В итоге Шмаль приняли на должность менеджера, но её радость была скоротечной, хотя и вполне искренней.

Недавно перебравшись в сибирский мегаполис (поближе к сестре), Надежда начала осваивать науку выживания. За спиной остались бесконечные скитания по кавказским гарнизонам, несчастный брак и счастливый развод с муженьком, который с треском вылетел из армии за бесконечные пьянки и карточные долги.

На новом месте нужно было отстраивать жизнь сызнова, нужно было начинать практически с нуля. «Так почему бы не начать с должности персональщика? – рассуждала Надя. – Работа непёстрая, вполне приятная, к тому же карьеру можно сделать быстро, если постараться».

Шмаль с незапамятных времён мечтала стать начальником. В данном статусе она видела профит с большой буквы. В её симпатичной головке рисовались одни и те же картинки: вот она сидит в удобном кожаном кресле с высокой спинкой за красивым округлым столом, у неё длинные алые ногти. Вот к ней пришли просители и стоят на полусогнутых, а вот она неспешно с чувством достоинства даёт ЦУ (ценные указания), а потом ходит и проверяет, как приказы исполняются. Вот она кому-то устраивает выволочку, ибо задание сделано с ошибками, а тут она и вовсе вышвыривает вон кого-то, ухватив за шиворот...

Слово «власть», слово «директор», ну, на худой конец, – «начальник» – было для Надюши таким весеннее ласковым, таким пленительно сладким, таким невероятно желанным, что от одной только мысли о кожаном кресле и возможности кем-то покомандовать начинала кружиться головушка... Заветная цель, словно локоток, иногда бывала до боли близкой, но ухватиться за него зубками никак не получалось. Бодливой корове, словно бы в насмешку, бог рогов не дал.

Только к тридцати пяти годам с горем пополам получив диплом психолога, Надежда прямиком с Кавказа отправилась покорять «резиновый» город, который, как известно, слезам не верил. Город не покорился, правда, поработать в Москве Наде всё же довелось. Целый год она была заместителем начальника отдела кадров в позабытой всеми богами конторке. Престарелый руководитель, увидев полные слёз глаза молодой женщины, явившейся к нему на собеседование, пожалел горемычную.

– Прошу вас, возьмите меня на работу! Я очень быстро всему научусь. Вы никогда не пожалеете о том, что меня взяли, – умоляла Шмаль, готовая разрыдаться в любую секунду.

Добродушный старичок был чрезвычайно растроган экзальтированной дамочкой, и уже на следующий день Надежда Аркадьевна вышла к нему в отдел. Стоит сказать, что первую часть своего обещания Надя честно выполнила, действительно схватывая всё новое буквально на лету. А вот со второй частью вышел моветон. Пожалеть старичку о своём благом намерении всё же пришлось. Пока Юрий Иванович находился в очередном отпуске, Шмаль настолько успешно сумела его заменить, выставляя напоказ найденные в работе руководителя прорехи, что генеральному директору в голову пришла блестящая идея: «впустить свежую кровь»,

отправив пенсионера, допускающего частые ошибки, на заслуженный отдых. На удивление Надежды «свежей кровью» стала не она, столь ревностно выполняющая обязанности – пусть и временно – начальника отдела кадров, а человек, приглашенный со стороны.

Психанув, Наденька собрала свои немногочисленные пожитки и укатила в Сибирь.

И вот теперь, работая под началом, можно сказать, ещё юной Ольги Викторовны, ничуть не менее активно Шмаль исполняла данное ей обещание: очень быстро осваивала новую для неё область – область подбора и оценки персонала. Конечно, мысли о директорском кресле Надю не покидали ни на минуту, однако, глядя на Боброву, наша героиня интуитивно чувствовала, что этой барышне, хоть она и молода, «свет загоразивать» не стоит, ибо себе же дороже выйдет.

Надежда была активна и старательна, улыбчива и предупредительна, но как бы она не выворачивалась наизнанку, стремясь всем угодить, люди буквально за версту чувствовали, что перед ними... коварная сука.

Смирившись с тем, что Ольгу Викторовну ей никак не «подвинуть» и за пояс не заткнуть, Шмаль сместила фокус собственного внимания на устройство личной жизни. Каждый день, наквцавшись от пяток до макушки недавно купленными духами с феромонами (про которые тут же всем было поведено), Надя по поводу и без стала заныривать в архитектурно-планировочные мастерские (АПМ), в коих было где разгуляться. «Заныривания» продолжались до тех самых пор, пока однажды Машечкин, руководитель АПМ-5, не шепнул Бобровой на ушко:

– Ольга Викторовна, душечка, от лица нашего творческого коллектива очень вас прошу, пусть Надежда Аркадьевна к нам заходит пореже... Я, конечно, понимаю, что дело молодое... шуры-муры и всё такое, но у нас очень много работы, планы горят, а она постоянно отвлекает... И потом... извините, от неё же... конюшной разит...

Нелицеприятное откровение Машечкина Боброва решила не оставлять без внимания, правда, и что с ним делать толком было неясно...

– Надежда Аркадьевна, вы что-то зачастили в АПМ-5..., – нерешительно начала Ольга. – У вас нет другой работы?

– Ой, ну я... общаюсь.. Мне же по должности положено... коммуницирую с руководителем... С Машечкиным, у них в АПМ вакансии открытые есть... А хотите, я вам расскажу, каким образом можно расположить к себе человека противоположного пола? Да что там... мне Машечкин, если честно, очень нравится, – простенько резюмировала Надюша.

– Ах вот оно что... Ну, и каким же образом расположить к себе человека противоположного пола? – полюбопытствовала Боброва.

– О, это очень просто! Когда с человеком говоришь, нужно смотреть ему в глаза и всё время к нему прикасаться, нужно трогать его, ну, там... за руку к примеру...

– И что, помогает вам это?

– Пока нет, – печально констатировала Шмаль.

«Да-а-а, не те ты, Надя, феромоны выбрала, не те», – подумала Ольга, а вслух произнесла:

– Самое время сменить тактику. Пусть Машечкин ощутит голод, пусть соскучится по вашим прикосновениям. И пока он будет скучать, вы займитесь техническим отделом, им срочно нужен системный администратор.

В общем, феромоны свою роковую роль в жизни Надежды Аркадьевны таки сыграли... Примерно через полгода стало очевидно, что Машечкин на них, как и на прикосновения, совершенно не ведётся...

И всё же, несмотря на ряд фатальных проигрышей в личной жизни, осень ознаменовалась невероятно приятным событием: на место уволившейся по собственному желанию Бобровой приняли нового начальника отдела персонала. «С этой мне попроще будет, – сразу поняла Надя, щурясь, словно большая жирная кошка на солнце, от предстоящего удовольствия.

Тридцатилетняя Алёна Станиславовна Вахромеева приступила к исполнению обязанностей рьяно. Возможно, более рьяно, чем того требовали обстоятельства. Надя, всегда держащая нос по ветру, тут же выказала свою готовность помогать руководителю во всём. По давно отработанной схеме Шмаль поклялась Вахромеевой, что та ни о чём не пожалеет, если во всём будет на неё полагаться и во всём ей доверять.

Впрочем, нового начальника Надежда Аркадьевна тут же за глаза окрестила «Горбатой». Ещё в юности Алёна чудом выжила в ДТП, но навсегда осталась инвалидом, приобретя горб и заметную хромоту.

День за днём, месяц за месяцем Надюша, словно повилика, оплетала своими ядовитыми речами Вахромееву, не давая той возможности опомниться. Видя, что Алёна человек легко возбудимый, но, что ещё хуже – ведомый, Надя тут же взяла на себя священное бремя поводыря, подталкивая собственного руководителя к бесконечным конфликтам с коллегами, подталкивая к пропасти...

– Вот видите, Алёна Станиславовна, какие они все вокруг свиньи! Людям сколько добра ни делай, благодарности никогда не будет! Я бы на вашем месте этого так просто не оставила. А главный инженер совсем охамел! Это уму непостижимо! Да как он посмел так с вами говорить, ещё и при всех!? Я бы на вашем месте...

– Алёна Станиславовна, вы не переживайте! Сказали им в глаза всё, что о них думаете, и правильно сделали! Чего молчать? Если молчать, то они на голову залезут с ногами вместе! А этот главный инженер – это вообще пережиток прошлого! Его давно пора отсюда ногами вперёд вынести. Институт от этого только выиграет!

– Ой, Алёна Станиславовна, терпение у вас, конечно, ангельское... Я бы на вашем месте уже давно с генеральным по поводу главного инженера поговорила! Ведь сразу же понятно, что он вас невзлюбил и всё пытается вам палки в колёса вставлять. Куда ни повернись, как ни стань, всё равно он норовит в вас плюнуть... Про это все говорят. И все, Алёна Станиславовна, на вашей стороне будут, если что...

Кап-кап-кап... Тюк-тюк-тюк... И снова кап-кап-кап... Тюк-тюк-тюк...

В один прекрасный полдень терпение Вахромеевой лопнуло и она, словно стрела Перуна, влетела в кабинет к директору проектного института... Спарринг был коротким, словно вспышка молнии, и закончился увольнением Горбатой.

Не успела Вахромеева выйти из проектного института, как Шмаль поспешила сбросить своё куцее резюме на почту генеральному директору, присовокупив к нему просьбочку рассмотреть её в качестве нового руководителя отдела персонала. Как только весточка была отправлена, Надюша тут же побежала в кабинет главного инженера, поздравить того с законной победой.

– Алексей Петрович, – повизгивала Надя, – мы так рады, что это противостояние закончилось... Алёна Станиславовна – очень несдержанная женщина. Вообще непонятно, каким образом она стала руководителем. Мы с ней так намучились, так намучились! Ума нет, фантазии тоже. Одни нервы! Разве можно было себя противопоставлять всему институту, да потом ещё бежать в кабинет к генеральному, чтобы ставить какие-то ультиматумы?! Если ты инвалид, то сиди лучше дома..

Увы, но Надежду Аркадьевну не то чтобы на должность руководителя не утвердили, но даже рассматривать на общих основаниях не стали. Генеральный, как всегда, был лаконичен: «Я не вижу вас на этой позиции».

Почему? За что? Думай, Наденька, сама...

Через некоторое, весьма непродолжительное время, в отделе персонала появился новый руководитель. Надежда Аркадьевна ещё издали заприметила, что голова у новоиспечённой сорокалетней Лилии Сергеевны Коротковой, как бы это помягче сказать, – детская... Инфантилизм был решительно во всём: в одежде, в голосе, в лице, в манере себя держать.

Лилию Сергеевну совершенно не воспринимали как руководителя, её вообще с трудом воспринимали как таковую. К тому же, чем именно занимается руководитель отдела персонала, она знала ну о-очень поверхностно, и тем не менее, у Коротковой всё же был веский аргумент сидеть в вышеобозначенном кресле – Лилия была родной племянницей жены главного инженера.

Пару-тройку месяцев, пока шёл испытательный срок, нового руководителя особо не напрягали. Всё ехало-катилось по инерции, сохранившейся ещё с тех самых времён, когда работала Боброва, но потом начало твориться что-то непонятное.

Короткова стала откровенно тупить, а Шмаль, всякий новый промах своего горе-руководителя тут же, словно мусор на совочке, выбрасывала за порог их общего большого кабинета. Теперь о каждом глупом слове, сказанном Лилией Сергеевной, о каждом её тупом вопросе, о наряде невпопад знал весь институт, включая техник.

– Наша дура вчера такую глупость сморозила, что даже куры смеялись, – взалёб делилась последними новостями Надежда Аркадьевна. – А мы её тут же на место поставили, мол, не знаешь, так лучше молча сиди и слушай, что умные люди говорят, глядишь и сама за умную сойдёшь.

– Нет, это вообще фантастика! Два дня назад была зарплата, а наша дура сегодня с утра у нас денег взаймы на обед просила. Радостная такая бегают, всем про сноуборд рассказывает. Типа купила его с максимальной летней скидкой, правда кататься она не умеет, но это ничего! Всегда хотела научиться, вот и повод нашёлся. Говорит, что отлично свои деньги пристроила.. Это нормально – нет?! Одно слово – дура!

Да что там говорить, все знали всё и с нетерпением ждали кульминации, которая вот-вот должна была наступить. Генеральному директору, пожалуй, больше чем остальным был очевиден собственный промах. Несостоятельную Лилию, как ни крути, нужно было увольнять, но быстрого прощания не случилось. Короткова ушла на больничный, с которого вернулась со справочкой, в которой значилось, что она беременна...

Сначала Лилия Сергеевна не думала рожать. Во-первых, у будущего ребёнка был, так сказать, «залётный» папаша (какой-то случайный командировочный дядя, со всеми вытекающими из этого последствиями), во-вторых, будущая мамаша жила на съёмной квартире и не имела ровным счётом никакой поддержки с чьей-либо стороны, ну и наконец, в-третьих, – возраст. Родить в сорок один первого ребёнка было, прямо скажем, непросто. И всё же Короткова решилась сохранить беременность, которая протекала довольно сложно.

Во время бесконечных больничных начальника отдела персонала, естественно, заменяла Надежда Аркадьевна. Почему естественно? Да потому, что кроме неё в отделе осталось двое: «зелёная» девочка «без году – неделя», и менеджер-кадровик, наотрез отказавшаяся брать на себя лишнюю ответственность.

Надюшиному счастью не было пределов. Как только Лилия Сергеевна не выходила на работу, наша героиня тут же переключивалась за рабочий стол Коротковой. Даже Надин задница, погружавшаяся в мягкое кресло с высокой спинкой, начинала светиться и улыбаться от удовольствия. Она – на-чаль-ник... О, да! Ну и что, что пока юридически только «исполняющий обязанности»? От «и. о.» до руководителя совершенно точно – пять минут.

Всего пять! Тем более, Надежда Аркадьевна себя ни за что не подведёт, будет стараться изо всех сил и всё сделает красиво...

Выйдя на пару дней раньше из очередного больничного, Лилия Сергеевна, открыв рабочий ноутбук, обнаружила кучу довольно занимательной информации, касающейся того, каким образом можно уволить... беременную женщину. Эх, если бы на месте Коротковой оказалась Боброва или хотя бы Вахромеева, то Надежде Аркадьевне пришлось бы стоя на коленях, смахивать со своего осунувшегося лица кровавые слёзы, умоляя о прощении. «Дурочка» же, увидев чем занимается её менеджер в рабочее время, решила никаких резких движений не пред-

принимать и вообще сделать вид, что она ничего такого не видела и ничего такого не знает, а то мало ли что из этого может выйти...

Да, как ни крути, а всё же есть на белом свете истории, не имеющие своего логического финала, истории без конца, вроде той, что мы знаем: «У попа была собака, он её любил...». Увы, но как бы не было нам хорошо со Шмальной, а всё же пришла пора прощаться. Мой уставший читатель, поверь, в очередном витке Надюшиной жизни ты не сможешь открыть ничего для себя нового: всё то же безумное желание, всё та же роковая невозможность... Ах да, теперь Надежда Аркадьевна не обещает потенциальному работодателю: «Вы никогда не пожалеете...», впрочем, это вполне логично. Поднаторела она за последние годы, цену себе знает...

«Слив» Оксаны Т.

Как не сойти с ума, когда вокруг одно сумасшествие? Да... вопрос риторический..

Оксанкина реальность была такой: открываем новый – три тысячи семисотый магазин! Подбор! Оценка! Давай быстрее! Ещё быстрее! Уволить! Корпоратив! Открываем очередной – три тысячи семьсот первый магазин! Подбор! Быстрее! Планы! Сокращаем бюджет! Я говорю – сокращаем! Ещё быстрее! Уволить по статье! Быстрее! Ещё быстрее!

Да, рецепт сохранения психического (и не только) здоровья у каждого свой. Кто-то с маниакальной страстью, охраняя свой мирок, выстраивает вокруг него стены, которые даже при легком бризе обращаются в прах. Кто-то видит спасение в занятии спортом или откровенном разврате. Кто-то идёт простейшим путём – бухает каждый вечер, сидя на собственной кухне. Бухает и что есть мочи костерит окружающих. Кто-то плотнячком сидит на тимиристках или тимолептиках («веселых» таблетках – антидепрессантах). Кто-то остервенело лепит из горячего фарфора или декупажит, лишь бы только не смотреть в глаза реальности, лишь бы только не повредиться головой.

У Оксанки была своя метода как не свихнуться. Выходя на новую работу, она начинала вести дневник, где описывала всё и вся. Оставленные впечатления, которые она именovala «сливом», очень даже ей помогали. Как только всё более или менее налаживалось, «слив» утилизировался, но этот «слив» она решила оставить на тот случай, если ей опять взбредёт в голову взяться за старое....

Понедельник (5 июля, около 8 утра)

Вот это жара! Сама преисподняя, явилась ко мне, не иначе. И это в восемь утра, а что же будет к обеду? По понедельникам мне и так жить не особо хочется, а тут двойное горе – мой первый рабочий день в компании «Евро Смерть». Первый рабочий день, он как первый бой – его нужно просто ПЕРЕЖИТЬ. Даю себе настрой: «Оксана, ты должна! Ты сможешь! Ты со всем справишься! Я в тебе ничуть не сомневаюсь... Ну что за бред я несу? Конечно, я сомневаюсь, причём не в себе, а в принятом решении. Зачем я сюда вышла?! От этой конторки душком несло за тридевять земель уже на стадии собеседования... Короче, дура ты, Оксана, вот что я тебе скажу...».

Понедельник (5 июля, 10—15)

О-о! У меня отдельный кабинет. Впрочем, разве это кабинет? Неужели бывают кабинеты размером с собачью будку? Хм... оказывается, бывают. В моём вот можно поместиться сидя одному и двоим ещё стоя, только для этого нужно всем троим как следует вдохнуть. За окном чудного бетонного саркофага (моей будочки) – чернобыльские пейзажи: тридцать три чадящих трубы в восемь рядов. Куда ни глянь – бесконечные серые коробки промзданий разной этажности и протяженности и ни единого зелёного пятна. Жесть! Сегодня не только преисподняя явилась ко мне, но и сам апокалипсис пожаловал. И это Крутая Федеральная Сеть, офис которой находится в заднице мира...

Понедельник (5 июля, мой законный обед)

Познакомилась со своими подчиненными. Не со всеми, а только с начальниками отделов. Комментарии пока оставляю при себе, время покажет.

Вторник, 6 июля (20—20)

Сегодня выдали пластиковую карту со штрихкодом. Заходя в офис, нужно провести ею по считывателю, расположенному над турникетом. При выходе – та же простейшая процедура. Не дай бог опоздать даже на минуту, раньше тоже уйти не получится. И то и другое влечёт за собой штраф.

Любое передвижение по офису фиксируют камеры. Думаю это для потомков. Наверняка, они будут искренне нами восхищаться. Немного смущает тот факт, что о количестве (как и продолжительности) посещений туалета, отныне знаю не только я, но и, как минимум, охранник на входе. Впрочем, ладно. Попробую привыкнуть!

Хорошо, что сразу предупредили:

– Забудешь карту-пропуск дома, будешь писать объяснительную. Если потеряешь, то объяснительная плюс штраф.

Теперь вот думаю: как бы мне её половчей пристроить, чтобы не потерять и не забыть. Может, на шею? Вместо колокольчика?

Примерно раз в неделю СБ-ники, которых тут в избытке, делают плановый обход всех кабинетов. Цель проста: проверка рабочих столов. Не дай бог у кого-то на столе будет лежать документ «цифрами вверх». «Цифры вверх» – это не просто халатность, а преступление против компании, которое незамедлительно карается. Сначала простым внушением, затем (для тех, кто не понял) – штрафом. Подозреваю, что совсем тупых и забывчивых где-нибудь на заднем дворе сажают на кол или приколачивают к кресту.

Вся отправка почты контролируется СБ. ГОРЕ тому, кто с корпоративного почтового ящика отправит письмо внешнему адресату. Тут же начинается служебное расследование. Кто? Кому? Зачем? Что именно?

Спрашиваю у коллег:

– А если у меня в базе есть резюме интересного кандидата, связаться с которым по телефону не получается? Ну, предположим человек трубку не берёт или находится несколько дней вне зоны доступа? Вполне возможно, что он вообще сменил номер телефона. Почему я не могу ему выслать на почту описание открытой у нас вакансии? Какой в этом криминал?

Ответ прост и непоколебим, словно монолит: «Нельзя»! Почему нельзя – я должна придумать сама.

В свой личный ящик, естественно, не войти. Майлы, яндексы и гуглы в компании запрещены. Скайпы, аськи и прочие прелести цивилизации отсутствуют как таковые. Про социалки вообще речи нет. ЗАТО! Из славного города N-ска уже сегодня мне пришло письмо от моей руководительницы, в котором значится:

«Всем, всем, всем! Региональные группы „Евро Смерть“, имеющиеся в ВК, Фейсе и прочих социалках, должны быть стёрты с лица земли – интернета до конца этой недели. Вместо этого создается ЕДИНАЯ группа „Евро Смерть“ во всех социальных сетях, куда со всех групп народ и сливается».

Спрашиваю у коллег: «Всё это отлично, но как данный вопрос можно решить, если с рабочего компа нет выхода в мир божий»? И снова ответ потрясает своей простотой: «Это нужно делать вечером, из дома...»

Да, и это ещё не все мои беды. Любые съемные носители: флэшки, винты, диски, приспособленные к компу, не пашут. Славный комп, мой друг и боевой товарищ, их не видит, их не слышит.

К концу сегодняшнего дня я кое-как смогла добиться от айтишников того, чтобы моя флэшка с материалами открывалась. Теперь мой комп флэшку видит, правда, я поспешила

с радостью. Да, флэшка действительно открывается, но только в режиме просмотра. Я не могу ничего ни распечатать, ни отредактировать, не говоря уже о том, чтобы что-то на неё скопировать.

Для входа в любую программу нужно каждые пятнадцать минут (если ты не находишься в данном окне) заново и заново вводить логины, пароли и явки, потому как тебя автоматически из программы выбрасывает уже через пять минут, если ты находишься в другом окне, например, пишешь письмо. Кстати, пароли и логины меняются каждую неделю.

Мне присвоили индивидуальный номер. Теперь я – «номер 684386».

Среда, 7 июля (первый час ночи)

Сегодня с тупым выражением (чтобы не отличаться от остальных) присутствовала на оценочной процедуре. Это было страшно!

Клянусь своим рабочим столом, заваленным «цифрами вверх», что оценку в «Евро Смерти» придумали извращенцы. Ничего более мерзкого мне видеть не приходилось.

Ещё вчера вечером, уходя из офиса в 18—30 (переработки, конечно же, не оплачиваются), заметила полоротое Нечто болезненного вида, которое слонялось по коридору и бормотало: «Нет, это же надо... Это же надо... В этом филиале одни няшки.... Куда ни посмотри... Я поражаюсь им... Времени шесть ноль пять, а они все встали друженько и двинулись домой... Неужели работы нет? Неужели её всю сделали? В центральном офисе за это бы расстреляли! И с такими лицами все тут... У нас по коридору так ходить не принято.... Одни релаксоиды кругом... Это ж надо...»

Каково же было моё удивление, когда сегодня утром, переступив порог отдела оценки, я обнаружила вчерашнее Нечто. Оно сидело в углу. Вид у неё (оказалось, что это – она), прямо скажем, был не товарный. Болезненная худоба, давно перешедшая в истощение пятьдесят пятой степени, была «украшена» чёрными кругами под глазами. Бледно-голубая полоска вместо губ тоже добавляла колорита. «То ли уже умерла, то ли вот-вот собирается», – первая мысль, которая пришла мне в голову после того, как я рассмотрела как следует это Нечто.

Рядом с её ноутбуком стоял флакон цилиндрической формы с трубкой. В течение дня Н-ская (как выяснилось позже) гостя несколько раз к этой штуковине припадала, пытаясь вдохнуть в себя содержимое баллончика. Эти простые движения производили неизгладимое впечатление на всех присутствующих. Человек доработался до... трубки.

Ближе к обеду «Нечто» разоткровенничалась: «Астма у меня тут поймалась, в „Евро Смерти“. До этого я ничем и никогда не болела. А с другой стороны, чего удивляться: перелёты, смена часовых поясов. И так месяцы, так годы без передыха. Сухомятка, бессонница, вот астма и поймалась... А мне что? Дома меня всё равно никто не ждёт, вот я и работаю».

Боже, это ужасно! На неё страшно смотреть. Живой труп...

Ах, да! Оценка! Как-то в интернете видела рубрику из разряда «Самые неприятные профессии». На одном из фото был изображён человек, по пояс погружившийся в анус слона. Не знаю, правда это или фотошоп, но оценочная процедура в «Евро Смерти» мне напомнила ту самую фоточку.

Несчастливые оцениваемые второй день подряд находились в состоянии полуобморока. У пары человек носом пошла кровь, а один парень умудрился потерять сознание. Безнадёжная печаль с примесью невероятнейшего страха (а порой и отвращения) застыла на лицах молодых подопытных кроликов, решивших позиционироваться на должность «директор магазина». В их глазах читалось: «Потерпеть ещё или послать вас всех на...»? Подмышки у оцениваемых были мокрыми до самой талии.

Фу... Как же вы, ребята, умудрились дожить до этого?! Какая гадость эта ваша «оценка». Да как вообще ЭТО можно называть оценкой???

К концу рабочего дня у меня в глазах – слоны, слоны, слоны, из задницы которых торчат люди, люди, люди... Люди, которым не повезло с работой. Вот и я тоже торчу из одного из слонов.. Блииин, нужно взять себя в руки и смотреть на вещи проще! В конце концов они сами захотели карьерного роста. Захотели – получите!

Четверг, 8 июля (десять вечера)

С самого утра меня озадачили.

– Оксана, у тебя сегодня защита зарплаты, – сообщил Илья (как оказалось, наш финдир – читай: финансовый директор).

– Отлично. А каким образом защита происходит? И у кого мне взять исходные данные?

– Я всё тебе расскажу и покажу. Там всё очень даже просто.

Уже после обеда (когда N-нск проснулся) я действительно убедилась в том, что «там всё просто».

Управляющая компания, находящаяся в N-ске, в филиалы высылает некую итоговую таблицу, где проставлены номера статей (без их расшифровки) и финальные цифры по каждой статье. Данная таблица приходит на мой адрес. Мне её нужно переслать финансовому директору, а тот в свою очередь должен таблицу переслать какому-то финансовому аналитику, который в каждом из столбцов оставит свои комментарии. Ну, что-то типа: «перерасход по статье номер такой-то на 1,2 млн. рублей сложился из-за...» или «снижение доли з/п по линейному персоналу составляет 0,2 процента, что даёт экономию в такой-то сумме...»

Как только комментарии внесены, таблица возвращается снова мне, минуя финансового директора. Теперь о главном: моя задача во всей этой истории заключается в том, чтобы комментарии, сделанные аналитиком N-ску, ЗА-ЧИ-ТА-ТЬ. Да! Просто тупо зачитать. Почему тупо? Да потому что я ровным счётом ничего не понимаю из того, что в этой таблице имеется.

О кей, ребята! Не вопрос! Конечно, я зачитаю. Мне не трудно. Только зачем в этой «пищевой цепочке» я? Для чего? Почему комментарии не может дать тот, кто их анализировал и писал заключение? Для чего привлекать директора по персоналу, если он не принимает участия в начислении з/п, не знает расшифровку статей (оказалось, что это конфиденциальная информация) и вообще никоим образом ни на что не влияет?!

Ещё больше меня удивил комментарий Кати (начальника отдела подбора персонала):

– Вы такая молодец! За десять минут всё защитили! Стрелкина (моя предшественница) эту таблицу весь день защищала. С утра как закроется в кабинете, так до вечера и сидит. Ещё требовала, чтобы её не беспокоили.

Хм... то ли лыжи не едут? То ли я не того? Может, я чего-то не поняла? Подхожу вечером к Илье. Так мол и так, почему такой процесс и для чего в него включён директор по персоналу, если у него всё равно нет доступа к информации, нет элементарного понимания того, что за цифры и статьи расходов перед ним...

– Оксана, ну чё ты так заморачиваешься? Не напрягайся ты так сильно. «Что» да «Почему». Сказали так делать, делай и всё. Логика тут всё равно не найти. Я тоже первое время за голову хватался, а потом плюнул и размазал. Это называется «тройная система контроля». Тут все всех контролируют. Вот и Морок следит за всеми нами. Всё зашифровано и запаровлено. Тебе что, трудно комментарии аналитика прочитать?

– Нет, не трудно, – отвечаю я. – Какой ещё морок?

Стою, смотрю на финансового и понимаю, что кто-то из нас двоих явно болен.

– Морок – это начальник СБ-ников. Короче, Оксана, пришла тебе таблица – ты её зачитала, и всё! И всё, забудь!

– Я поняла. Только у меня второй вопрос: что же тогда Стрелкина делала весь день? Катя говорит, что в день защиты таблицы она с самого утра запиралась у себя в будочке и до вечера её никто не беспокоил. Она «готовилась к защите»...

– Оксан, ты чего такая въедливая? Ну какая разница? Каждый как может себе цену набирует. Что-то она там делала. Делала, теперь вот не делает. Теперь ты можешь так закрываться и готовиться к защите, – резюмировал финансовый.

Короче, я так ничего про лыжи и не поняла: дело всё же в них или во мне...

Пятница, 9 июля (обед)

Новый инсайд. И он случился только что, благодаря моим подчинённым из отдела обучения.

Во все времена у всех народов этапы продаж были такими:

1. Приветствие. 2. Выявление потребности. 3. Презентация. 4. Отработка возражений (понятно, что данного этапа может и не быть, если качественно выявлена потребность). **5. Завершение сделки** (продажа, допродажа, прощание).

В классике жанра как-то так...

В «Евро Смерти» всё иначе:

1. Встреча (хорошо, равно «Приветствие»)

2. Найди выгоду (на языке местных это звучит, как «заинтересуй клиента», по факту это означает: «ошарашь его прямо с порога»!)

3. Убеди. Местный ментал это объясняет, так: «развей у клиента окончательные сомнения в том, что тебе это дерьмо сто лет не нужно. Пока клиент не очнулся, пока не пришёл в себя, быстро впарь ему всё, что только сможешь»!

4. Заработай больше. (В данном пункте наши взгляды совпали: «Впарь ему ещё и ещё, как можно больше, деморализовав покупателя окончательно»!)

5. Проводи.

После услышанного мне резко захотелось материться. Громко и долго! Сука... это ж надо такое дерьмо-то придумать... Что же это получается? Прихожу я летом в магазин, например, за туфельками, а мне с порога, не дав опомниться, суют в руки, в карманы, в уши, в рот, а также за шиворот: сапоги зимние, валенки, шерстяные носки, портянки с начёсом, галоши с калошами, тапки резиновые (три штуки, т.к. на них идёт акция) и ещё чёрт знает что! Слова мне сказать не дают и тут же отправляют на кассу. А если денег у меня не хватает, так это ничего страшного! У них тут же на кассе можно всё это в кредит приобрести...

Ненавижу!!!!

Пятница, 9 июля (десять часов вечера)

Если бы кто-то рассказал – я бы не поверила... Сегодня после обеда в учебный центр пришли четыре молодых человека, работающих в нашей компании. Они – без пяти минут директора магазинов. Цель прихода состояла в том, чтобы получить исходные знания, необходимые для выполнения роли наставника. Марина (начальник учебного центра) из кожи вон вылезла в стремлении донести присутствующим «доброе, вечное, светлое». Ребятки, в свою очередь, добросовестно боролись со сном, бесчеловечно давящим их.

А потом случился казус, прямо на моих глазах... Пока Марина что-то там писала на флипчарте (специальная доска), повернувшись спиной к аудитории, один из «почти директоров» уснул, скромненько облокотясь о стеночку.

Пробуждение было неприятным:

– Ну чё, уже и спросить нельзя? – встрепенулся он. – Ну уснул немного... с кем не бывает?

Думать, отчего это произошло, мне не пришлось, Марина меня опередила:

– Ребята у нас пашут как проклятые. Не успеют к стенке прислониться, их тут же отключает. Двенадцать часов на ногах, двенадцать часов продаж. В магазине присесть нельзя ни на минуту, даже если нет покупателей. Присел – плати штраф.

Понедельник, 12 июля (12 часов ночи)

С прошлого четверга пытаюсь согласовать служебку. Цена вопроса смешная, но почему-то каждый последующий посылает меня в сторону противоположную той, которую указал предыдущий. Сотруднику из нашего филиала нужно отправляться в командировку, для этого ему необходимо согласовать размер командировочных. Казалось бы, всё просто. Но нет! Ключевое слово здесь – «КАЗАЛОСЬ БЫ».

За три рабочих дня я так и не смогла решить плёвого вопроса. В итоге парнишка поехал в соседний город за свои кровные, а моя служебка до сих пор гуляет-ищет-рыщет своего N-ского героя-подписанта, который отважится на ней поставить «Согласовано».

Пошла вторая неделя, как я пребываю в состоянии измененного сознания. Всё так и есть или то, что творится вокруг меня, мне только кажется?! Какая-то мразь воплотила свои болезненные фобии в жизнь, и я с утра до вечера нахожусь в самом эпицентре этой маниакального лабиринта, под названием: «Евро Смерть».

Минимум полдня уходит на разбор почты. За прошедшую неделю, мне не написал разве только что мёртвый да папа Римский. С утра до вечера изучаю и составляю отчёты, всего их 68547 видов. Нет, я не директор по персоналу, я директор по отчётности. Народ идёт ко мне со своими проблемами. Но какой в этом толк, если у меня нет ни единого рычага для решения даже сущей мелочи?! Например, вчера Маринка жаловалась на то, что ей не прислали ни листы для флипчарта, ни перманентные маркеры, ни маркеры для доски, ни даже ручки шариковые.

– Оксана, я вовремя сделала все заявки. (Тычет мне в нос своими писульками). В учебном центре осталось два пишущих маркера и один блокнот для флипчарта. Это для работы на один день. В учебные центры в более мелких городах нашего филиала канцелярия не приходит уже три месяца. Мои тренеры на свои деньги покупают маркеры. Сделайте что-нибудь!

Хочется заорать: «Что именно мне сделать? Тоже пойти и купить всё за свой счёт?»

Такая ситуация, по словам коллег, началась с тех самых пор, как сменился собственник. Новый господин, владелец бизнеса из N-ска, перестраховывается, практически всё закупая на месте (в N-ске). Бедолага боится, что столкнётся с такими же нечистоплотными козлами, как он сам. Бизнесок, что ему достался, он попросту отжал. Об этом безо всякого стеснения говорят на всех углах. И даже Морок ничего сделать с этим не может.

«Раз нет флипчарта, то пишите на стене. Нет маркера, царапайте гвоздём. Вот вам мой бесплатный совет, как выйти из трудного положения.

Вторник, 13 июля (третий час ночи)

Давно собиралась написать об одной наинеприятнейшей особе. Я столкнулась с ней на входе в «Евро Смерть». Указанная тётка проверяет на полиграфе кандидатов на ТОПовые позиции входящих в компанию. И не только «входящих», но и тех, кто уже работает. В «Смерти» все руководители отделов каждые три месяца проходят полиграфное тестирование. Директора магазинов и того чаще – каждые 30 дней. Впрочем, на полиграф руководителю отдела можно загреметь и чаще. Если службе безопасности что-то в твоём поведении покажется подозрительным, ты тут же отправишься в энный кабинет и будешь усажен на «электрический» стул. В день увольнения из компании точно также руководители отделов на прощание ещё раз проходят унизительную процедуру. А вдруг ты что-то украл, но СБ этого не заметила?!

На вид полиграфологу (никак не могу запомнить её имя) лет 45—50. В общем-то, в её внешности нет ничего примечательного, разве что кривобокость, которая режет глаз. Глядя на неё, в голову приходит единственная мысль: форма не в состоянии сдерживать содержимое. Естественно, такое содержимое сдерживать непросто.

Кривая в первую нашу встречу (когда я сама проходила полиграф) никаких во мне эмоций не вызвала. Ни холодно, ни жарко. Зато сегодня... Нагрянула ко мне с утра пораньше. Притащила в клювике рационализаторское предложение:

– Оксана, у меня масса свободного времени, и я бы хотела его занять. Я вот чего придумала: буду приходить на вводные тренинги, которые Марина проводит и смотреть на ребят. Если увижу подозрительные рожи, буду тут же проверять таких на полиграфе. Эти твари малолетние столько денег у компании воруют, страшно подумать!

Мне так и хотелось ей сказать: «Тётя, а свою-то рожу ты давно видела? Она у тебя более чем просто подозрительная»! Увы, я так не сказала, политкорректность никто не отменял. Пришлось сказать иное: «А может, стоит начать продавцам платить столько, чтобы им воровать было невыгодно? Об этом вы не подумали? Не подумали о простых человеческих условиях труда? Вместо полиграфа»?

– При чём тут это? Я вообще о другом! Я о всяких там наркоманах, жуликах всяких, и прочих маргинальных элементах. Их нужно сразу, как скот, загонять на полиграф и там гасить. Компании нужно себя обезопасивать... обезопасивать... Безопасность нужна нам.

– Исходя из Личного Трудового Кодекса здешнего собственника, полиграф должны проходить только те, кто рекомендуется на должности руководителей. Если вы станете ещё и продавцов проверять, боюсь, вам придётся умереть на работе.

– Да ну и что?! Я же не всех подряд. Приду к вам в отдел подбора, посмотрю анкеты кандидатов, гляну, кто и где живёт, у кого какое образование. Если высшего нет, это веский аргумент такого проверить. Место жительства – это тоже веский повод.

– Если вы начнёте их ещё и с тренинга щипать, у нас последние встанут и уйдут. У ребят возникнет, как минимум два закономерных вопроса: почему на полиграф повели именно меня, а моего соседа – нет? И почему я вообще должен идти на ваш полиграф? Если у нас начнётся отток персонала, а он начнётся, то кто по-вашему торговать станет? Вы сами? Или мне прикажете?

– Оксана, у тебя своя правда, – переходя на «ты», продолжила кривая, – а у меня – своя. Я тут мальчика выбрала для полиграфа. Он из неблагополучной семьи. Вернее, он сирота. Его обязательно нужно проверить, вдруг он какой-нибудь асоциальный.

– И в чём вы его асоциальность увидели? В том, что у него нет родителей и он вырос с бабушкой?

– Я буду проверять тех, кого сочту нужным. Именно об этом я и хотела сказать!

Ну и как её назвать после этого?

Среда, 14 июля (двенадцать ночи)

Сегодня состоялось быдло-пати. Со всех городов филиала к нам прибыли «передовики производства» (лучшие продавники) отмечать очередной день рождения «Евро Смерти». Дааа если это «Лучшие из лучших», то каковы же тогда худшие???

Ещё трезвое блеющее стадо в самом начале было разделено на три категории: «Просто Лучшие», «Лучшие» и «Самые Лучшие». Подарочек зависел от категории. «Просто Лучшим» пожали руку. «Лучших» поцеловали в лоб. Ну а «Самым Лучшим» (их было всего шесть на весь филиал) подарили по корпоративному значку.

Все три категории также получили от директора филиала короткое, но ёмкое напутствие: «Не бздите»! О чём именно шла речь, я постеснялась уточнить.

После рукопожатий и поцелуев грянула отчаянная пьянка. Пили, курили и дрались так, что остаться невредимым в этом мраке шансов было ничтожно мало.

Как только начались вышеобозначенные события, я совершенно незамеченной слиняла домой.

Четверг, 15 июля (девять вечера)

Сегодняшняя дорога на работу была полна сомнений. Каждые пять минут мне приходилось бороться с самой собой. Так хотелось на всё это (как говорит мой сосед) «положить» и просто никуда не ехать.

«Оксана, ты сильная, ты справишься!» – опять прибалтывала я сама себя. – Совсем скоро всё устаканится». Нет, ну вот не дура ли я?

Сразу после обеда меня пригласили на встречу с «Цветом Розницы», прикатившим из городов филиала. Несмотря на внушительных размеров переговорную, в воздухе стоял страшнейший духан. Верхние ноты – зловонный пот, нижние – перегарище. Господа-продажники сразу предложили мне представиться по полной форме, включая ответ на вопрос: «Кто лучше: собака или кот»? (Это типа был тест на Шарикова, что ли?) После чего представились сами. Тут же перешли к основной части: к жалобам, стенаниям и претензиям, адресованным службе персонала, которую я вот уже как несколько дней возглавляю. Полтора часа длился плач Ярославны: да такие же у меня девочки плохие, да работу-то они свою не знают, да никто ничего делать не хочет! В общем, откуда персонал в компании берётся и кто его обучает – непонятно. Персональщики вроде бы как ни при чём.

– Оксана, а почему «Евро Смерть»? – спросила одна из розничных див.

– Почему? Я пока и сама ещё не знаю.

– Как это не знаете? У нас такая классная компания, а вы ничего про это даже не сказали. У нас многие в ней работают буквально со школьной скамьи.

– Поэтому она для вас и классная, – не сдержалась я. – Других-то компаний вы не видели. Вам дали редьку и сказали, что это мёд. Вот вы ею и давитесь. Никому не рассказывайте о ваших «сладостях», а то вас засмеют.

Мой крамольный ответ поверг присутствующих в шок. Все ждали, что я зайдусь в дифирамбах в адрес «Смертушки», а вышло иначе. Да меня уже за одно это можно уволить. Зато честно...

Ступор. Пауза. И очередной впрыск адреналина:

– Во время испытательного срока не только компания смотрит на сотрудника, но и сотрудник на компанию. Вот я и смотрю. Я ещё не решила, останусь ли я тут работать.

Снова ступор и пауза, а потом робкое:

– И всё же мы надеемся, что вам у нас понравится....

Встреча закончилась так:

– Ваша предшественница в разы была хуже.

– Она была такая плохая, что нет никаких слов, чтобы это описать, совсем ничего не делала!

– Мы в вас, Оксана, верим!

– Из пяти отделов, находящихся в вашем подчинении (кадры, подбор, обучение, оценка и охрана труда) только к кадрам у нас нет претензий, остальных можно уволить, компания от этого ничего не потеряет, а только выиграет.

– Вы, Оксана, если не хотите девочек увольнять, то хотя бы загоните их в стойло, а то они совсем распустились. Ваша Костина ещё и грубиянка, каких поискать!

Как же гадко от этого всего! Уверена на все сто: Стрелкиной, когда она пришла, говорили то же самое о её предшественнице. И мне в спину точно так же будут лететь грязь и харчки, чтобы я не сделала.

Пятница, 16 июля (обед)

Как ни странно, но меня до сих пор не представили руководителям отделов. Для решения того или иного вопроса я сама бегаю по этажам, пытаюсь найти то самое место, куда были опущены концы.

Кстати, моя предшественница оказалась большой юмористкой. На сетевом диске сегодня нашла её папку под названием «Стрелкина». Открываешь её, а там ещё одна папка «Передача дел». Спускаешься на уровень ниже, а там дуля с маслом. Там ни-че-го.

Пятница, 16 июля (десять вечера)

Сегодня у меня было погружение в тендерную деятельность. Я поняла только одно: тендер – это самое страшное, что может с тобой приключиться. В «Евро Смерти» тендерится буквально ВСЁ!

Ни один шаг не может быть тобой сделан в обход тендера. Ни один!

Предположим, что в Задрюпинске долго не закрывается ряд вакансий. Путём несложных умозаключений мы приходим к пониманию того, что ресурс поиска (например, сайт) совсем не эффективен. Местные в массе своей ищут работу при помощи печатных СМИ. В любой нормальной компании разместиться в газете любого города можно без особых проблем. Но в «Евро Смерти» это невозможно. Сначала тендер, только потом размещение! При этом (по условиям компании) тендер проводится один раз в год, и его результаты действуют на протяжении 12 месяцев.

Моя предшественница рискнула испытать судьбу и разместилась в каком-то источнике, проигнорировав распоряжение свыше. Вслед за этим последовала не только проверка СБ, но и полиграфное тестирование. Для этой цели специально был откомандирован N-ский полиграфолог (местной экзекутору выведение на чистую воду не доверили). А вдруг договорятся? А вдруг это заговор? А вдруг Стрелкина получила откат в размере трёх копеек?

Только сегодня, после рассказов про тендерные страсти, мне стали понятны туалетные реалии. Все дни, что я работаю в «Евро Смерти», не было ещё ни одного случая, чтобы в уборной было мыло или хотя бы клочок туалетной бумаги. Если хочешь ходить с чистым задом и руками, будь добр, принеси всё своё. Наш недавно назначенный директор филиала то ли позабыл, то ли не успел вовремя подсутиться с тендером, а быть может, просто не захотел и теперь все ходят, как придётся.

Понедельник, 19 июля (20—00)

Сегодня, кажись, я побила все рекорды. Такого со мной ещё не было! Прошло всего две недели, как я вышла на работу, и вот я на новом собеседовании, и вот я ищу новую работу. С утра пораньше отправилась в компанию, занимающуюся микрозаймами для населения. Что-то из разряда: «Люди! Вам плохо? У вас нет денег на верёвку и кусок мыла? Приходите к нам! Мы и только мы воплотим ваши самые смелые фантазии в жизнь»!

Дядя с мордой питбуля, не считавший нужным даже представиться, с порога завалил меня вопросами. Ни на один из вопросов толком не ответила. Меня всё время перебивали то он, то мадам, сидевшая рядом с ним, как потом выяснилось – менеджер по персоналу.

Когда я вышла из кабинета, девушка наконец-то представилась сама и раскрыла имя того, кто меня только что с пристрастием допрашивал.

– Это Алексей Александрович, наш генеральный. А собственник у нас живёт в Москве. Но очень часто с нами по скайпу выходит на связь, а меня Олей зовут. А вот тут в случае чего вам предстоит сидеть. Вот ваш будущий стол. Кабинета у нас нет отдельного. У нас вообще ничего ещё толком нет. Вот тут у нас приказы валяются, а тут трудовые. Сейф нам ещё не купили, так всё под ногами валяется. Осторожно, не упадите. Ой, вы мне так понравились, я прям буду настаивать, чтобы именно вас на работу к нам взяли.

От Оли у меня немного шевелились уши. Неужели такое бывает? Трудовые на полу... Приказы под ногами... Подчинённый сам себе выбирает будущего руководителя... Как мило...

– Вы ничего плохого не думайте. Я скоро наведу здесь порядок. Но мне всё равно помощник нужен. Всё с нуля ставить нужно, а тут ещё столько подбора, – не унималась Оля.

Осмотрев, возможно, мои будущие «апартаменты», я направилась к выходу, но выйти не смогла до тех самых пор, пока Оля куда-то чем-то не прикоснулась.

– А как вы открыли турникет? – любопытствовала я, ведь карточки в руках у моей новой знакомой не было.

– Я пальцем открыла, ну, палец приложила и открыла. У нас карточек нет, у нас к считывающему устройству вместо карточки палец прикладывается. Как только устройство палец распознало, так замок и открывается. А что? Удобно! Карточку дома забыть можно, и потом хитрые у нас находились – свою карточку кому-нибудь давали, чтобы те их отметили, что они на работе. А когда палец, то уже не обманешь. У нас тут очень строго! Все передвижения фиксируются. Дисциплина и всё такое.

– И всё такое, – повторила я на автомате.

Напоследок Оля пообещала мне перезвонить. Хотя зачем? От винта! Менять одно дерьмо на ещё большее – какой смысл?!

Вторник, 20 июля (мой законный обед)

Оля позвонила, очень радостная. Сказала, что собственник хочет со мной пообщаться. Огорчила Олю отказом.

– Нет, прошу, прошу, пожалуйста, поговорите. Почему вы самой себе отказываете в таком хорошем шансе?! Вы знаете, как у нас хорошо? Нет, вы этого не знаете! У нас ребята два раза в год на корпоратив выезжают куда-нибудь. И там расколбас устраивают. Да за микрозаймами будущее!

Чёрт! Дети ада! Не смогла отказать. Вот же дура! Просто тупо не смогла сказать: «Нет»!

Вторник, 20 июля (23 часа)

Вот так поговоришь с человеком, и тут же возникает ощущением, что ты чего-то не того съел... Скажем прямо – съел дерьма. Вот сегодня со мной так...

В назначенное время собственник микрозаймов на связь не вышел. Минут через двадцать позвонила взволнованная Оля, сто тысяч раз извинилась и попросила перенести общение на час позже. Ровно через час всё повторилось. Прошло два с лишним часа, прежде чем мне удалось лицезреть заказчика. Молодой лоснящийся скот.

Диалога, как такового, не было. Скот попросил меня рассказать ему о себе в произвольной форме. Рассказала.

– У меня вопросов больше нет. О моём решении ты узнаешь через десять дней, – попробовал было проститься скотище.

– Минуточку! У меня есть вопросы, – возмутилась я. – Какого именно директора по персоналу вы ищете?

– Талантливого.

– Подробней можно?

– Такого, который за короткий промежуток времени сможет снизить текучесть персонала в моей компании как минимум раза в три.

– У вас есть ресурс, который можно задействовать для снижения текучести?

– Хм, – ухмыльнулся скот, – с ресурсом и дурак сможет текучесть снизить. Я же сказал, ищу талантливого директора, который сможет решить данный вопрос в короткие сроки безо всякого ресурса.

Всё с вами, дядя, ясно. Дать бы этому разожравшемуся глисту лобзик в руки – и в тайгу.

Четверг, 21 июля (пять утра)

Почти не спала. Только закрою глаза, тут же появляется скользкий мерзкий скот.

Вне всяких сомнений, я не принадлежу к числу «талантливых ТОП-менеджеров». Я не умею из ничего сделать что-то. Я не умею людей побуждать работать за «просто так». И сама я тоже за бесплатно не работаю. Никакие супер-«разводильные» идеи меня давно не вдохновляют. Не верю в домовёнка Кузю...

Четверг, 21 июля (22—10)

Ну и денёк! Мать моя женщина!

По дороге на работу опять вспомнила вчерашнего скота. Всё-таки хорошо, что со столь мерзкими типами приходится сталкиваться не так часто.

Но я не об этом хотела. Утром, не успела включить комп, как меня пригласили в кабинет СБ, к тому самому Мороку.

55-летний начальник СБ, выглядевший на все 75 (три тонны живого веса), переживший одиннадцать директоров филиалов (я, когда узнала, чуть в обморок не упала), был очень любезен и с порога предложил мне «чаю-кофе».

– Спасибо, я не хочу.

– Ну, а может всё-таки будешь?

– Спасибо, в другой раз, – пообещала я, не особо стремясь скрыть своё отвращение.

– А успеешь? В другой раз-то?

– Успею.

– Точно успеешь? Давай, рассказывай, на какие собеседования ходишь? Работу, значит уже ищешь?

– Да, ищу, – подтвердила я, решив, что таить шило в мешке перед этим... смысла никакого нет.

– Да как же это так? – завопил он. – Да ты же только к нам пришла!

– Да, только пришла, но понимаю, что работать в вашей «Смерти» у меня нет никакого желания.

– Но почему? Мы... мы такая хорошая компания! Я не понимаю твоих мотивов!

– А вам и не надо их понимать. Всё-то вы про всех понимать хотите. Не много ли вам понимания одному?

– Ты мне не дерзи, красивая! Я тут и не таких видывал. Не такие у меня в кабинете рыдали и обыскились. Я мужиков ломал, а тебя-то...! Что, твои микрозаймы лучше что ли?

– Хуже. Гнездилище каннибалов...

– Ну дак и я про то же! Оставайся, ты же только пришла. Чего тебе не так?

«Чего мне не так» я не ответила. Во мне всё кипело. Пообещав подумать, ушла в свой кабинет. Как только оказалась одна, стала греть голову на тему: кто меня сдал? Это что же получается? Никто не знал, куда я хожу и что делаю. Никому ничего не говорила! Морок мог получить информацию о произошедшем ТОЛЬКО от сб-ника микрозаймов. Больше неоткуда ему было узнать. Ведь я честно на собеседовании сказала, что совсем недавно вышла на работу в «Евро Смерть», но от компании не в восторге. Выходит, цербер из займов подсуетился заранее. Информацию обо мне собрал, типа мало ли что.. А ведь я просила справки обо мне пока не собирать. Ещё никаких решений не принято. Подвесить бы этого активиста на пару дней вниз головой, может что-то в его черепной коробке иначе бы заработало. Хотя, надежды мало. Такого хоть убей, цербер же...

Не видела ещё ни одного нормально СБ-ника. Одни ущербные, как на подбор. Недоучки да те, кого даже в органы не взяли, либо выкинули из них за провинности. Умеют только пронохать да настучать. Разновидность полицаев. Ой, чего я так разошлась?! Спасибо им! Ведь они тоже нужны для чего-то, если посмотреть на ситуацию под другим углом. Значит, мне не придётся здесь долго мучиться, как и там.

До чего же жаль, что сегодня на месте не было директора филиала, этого бедного двадцатитрёхлетнего мальчика, которого все заклевали. Видят, что парень молодой, мнения своего пока не имеет, вот им и вертят по-всякому, кому как нужно.

После обеда хотела сделать «ход конём». Хотела сама написать в N-ск своей начальнице и предупредить удар. Остановила Катя.

– Вы что творите? Хотите у СБ-ника его победу отнять?! Это же ОН вас вывел на чистую воду! Он вам не простит этого никогда и будет мстить, даже если вы отсюда уйдёте. Его все боятся, как материнского проклятия. Не зря же его Мороком называют. Знаете скольким он жизнь испортил? Не надо никуда ничего писать. Он вывел вас на чистую воду, ему теперь лавры полагаются. Он должен их получить! А если не получит, вам конец! Ведь он сам ужасно боится, что его выкинут, поэтому изо всех сил выслуживается. Вы видели хоть раз, как он по коридору ползает?

– Нет, – говорю, – как-то не приходилось. Я его только сидящим за столом видела, ну, в его кабинете. А что с ним не так? Чего это он ползает?

– Он так уже года три, наверное, ползает. Его ещё тогда уволить хотели, когда он заболел. Но в итоге подсуетился, какой-то там заговор раскрыл и его не тронули. У нас тогда тут такое творилось! Кошмар! Директора филиала чуть не посадили, всех с утра до ночи на полиграф гоняли. Морок тогда N-скому руководству показал, что хоть он и ползает, а всё равно живой и незаменимый. Он же гниёт живьём. Кого-то очередного уволили из-за него, а ему премию дали. Он на эти деньги поехал на море и там какую-то заразу поймал. В море порезал ногу, что-то туда попало, вот она у него до сих пор и гниёт, никто ничего не может сделать. У него на ноге вместо ботинка какая-то чуня. Ногу так разбарабанило, что она ни во что не влазит. В общем, Оксана, не вздумайте у Морока забрать его победку.

Вот это новости так новости! Я прям впечатлилась! Решила сесть на попе ровно и ничего не делать, по крайней мере до понедельника. В понедельник на месте будет наш мальчик – директор филиала, там и решим, что и как...

Пятница, 22 июля (обед)

И всё-таки ночь человеку дана не случайно! Все лучшие мысли приходят именно после неё, приходят с утра. У меня отличное настроение! Ведь сегодня, вопреки Катиным предостережениям я о своём решении уйти из «Смерти», написала в N-ск непосредственному руководителю. Так же в копию поставила директора филиала и Морока.

Постаралась быть максимально краткой: поблагодарила всех и вся за опыт, что получила в «Евро Смерти», извинилась за то, что не оправдала возложенных на меня надежд, пообещала сдать все дела (которые толком – то и принять не успела) должным образом. Вот и всё.

Ответа не последовало. Ни от кого. Морок тоже молчал. Наверное, занят подготовкой к мщению.

За три месяца до описываемых событий

Оксанкина подруга Лариска, имевшая вместо языка змеиное жало, говорила ей так: «Оксана, не хочешь ср*ть, не мучай ж*пу! Зачем ты опять лезешь в это зловонное директорство? Тебе что, мало было на последней работе? Ты же решила всё менять! Так меняй и хватит дурью маяться!» К грубым советам подруги Оксана вроде бы и прислушивалась, ведь та верные вещи говорила, но всё равно боялась. Боялась что-то в своей жизни менять. Как же так?! Ведь она столько лет училась, столько карабкалась вверх по карьерной лестнице и вот так взять и всё бросить? Десять лет жизни коту под хвост? Так, что ли, выходит? Снова начинать что-то новое? Или продолжать убивать себя старым?

Начинать новое... Но что? Нужна какая-то классная идея, а её пока нет. Нужен стартовый капитал, а его тоже нет. И потом, ну кто она такая? Чего она в этой жизни знает, кроме управления персоналом, тренингов-шменингов? Увы, ровным счётом ничего. А то, что знает – этого так мало....

Примерно такое вот оригами в Оксанкиной голове вертелось-складывалось последние три года. Управление персоналом она возненавидела до состояния, которое описать не представляется возможным. Если бы ей, положим, сказали: «Выбирай: ты будешь директором по персоналу с зарплатой в триста тысяч или ты будешь, занимаясь своими делами, сидя дома, получать тридцать тысяч. Какой вариант тебя устраивает больше»? Она бы выбрала вариант номер два, хотя в её голове был и третий вариант: когда она занимается своими делами и при этом получает триста тысяч, желательно в баксах.

Попрощавшись с последним работодателем, выжавшим из Оксанки все соки до единой капельки, она твердо для себя решила: «Всё, на директоре по персоналу я ставлю жирный крест! Всё что угодно, но не это!» Как только эти слова несколько раз (это чтобы себя убедить) были произнесены, она тут же собрала чемодан и умотала на весну и всё лето в соседний городок к родителям.

Было начало апреля. И молодая сочная зелень, и игривое солнышко, и свежий ветерок обещали Оксанке массу удовольствий. Однако удовольствия – это совсем не то, что Оксанина душа в этом мире искала. Вернее душа-то может и искала, но была ещё голова, которая жила исключительно по своим законам. Диссонанс был страшным! Душа кричала и молила: «Оксаночка, милая, дорогая, моя хорошая девочка, давай уже всё! А? Ну, давай уже хватит?! Ну, я правда больше не могу!» А разум, это мерзкое творение, этот ум, данный человеку всего на один раз, упрямо стоял на своём: «Ты, дура, наверное, пошутила? Да? Взять и всё перечеркнуть?! Ведь есть же и другие работодатели... И там, в другой компании у тебя всё может сложиться... Давай по крайней мере не будешь хотя бы своё резюме с сайтов убирать... Как тебе такая идея? Оставь себе хотя бы маааленький шансик....».

Победил разум.

Оставила. Просто оставила резюме на сайте...

За месяц до описываемых событий

Отдыхалось на полную катушку. У родителей всегда хорошо! Правда, всякое «хорошо» рано или поздно имеет свойство заканчиваться. Думай – не думай, а весна пролетела, да и лето начало неумолимо отсчитывать свои деньки.

На что жить? Чем дальше заниматься? Эти два вопроса преследовали нашу героиню повсюду. Мылась ли она в баньке, загорала ли с тяпкой в огороде или ехала купаться на реку – всё было едино.

Вот тут-то и завибрировал телефончик.... Девичий голосок на том конце провода выказал интерес относительно Оксанкиной кандидатуры на якобы недавно возникшую вакансию.

– Я нашла ваше резюме на сайте НН. У нас есть для вас предложение от компании «Евро Смерть» Мы ищем HR-директора N-ского филиала.

«Мммм.... опять директор по персоналу, – заныло-заболело внутри у нашей несчастной, – да сколь ж можно»? А разум тут же шепнул: «Дура, не кочевряжься, поговори. Просто поговори. Послать ты их всегда успеешь....».

Поговорила. Один раз. Потом другой, причём уже с директором по персоналу из управляющей компании, находившейся в N-ске. Кроме традиционных вопросов, связанных с опытом работы, функционалом, зоной ответственности и первоочередными задачами, было очень много вопросов, посвящённых Оксанкиной личной жизни, которая, как известно оттого и называется «личной», что никого не должна касаться. И тем не менее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.